

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE PEOPLES OF THE FAR EAST
PACIFIC GEOGRAPHICAL INSTITUTE

**HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL INVESTIGATION
OF NORTH PACIFICA:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES
OF INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS**

**Materials Of The Young Scientists Conference
Vladivostok, 22-24 April 2013**

Vladivostok
Dalnauka
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА**

**Материалы молодежной конференции
Владивосток, 22-24 апреля 2013**

Владивосток
Дальнаука
2013

УДК 902/904; 913.1/913.8; 395.3; 910.3

Исторические и географические исследования Северной Пасфики: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза: Материалы молодежной конференции (Владивосток, 22-24 апреля 2013 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2013. 76 с.

Настоящий сборник включает материалы молодых ученых Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Дальневосточного федерального университета и ряда других научных и высших учебных заведений, принимавших участие в молодежной конференции «Исторические и географические исследования в Северной Пасфике: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза».

Данное научное мероприятие посвящено изучению проблем и перспективам развития междисциплинарных научных исследований молодых ученых в близких научных областях истории, археологии, антропологии, географии, геоэкологии и ГИС-технологий в Северной Пасфике. В работах затронуты вопросы освоения Северной Пасфики древними и традиционными обществами, устойчивого развития территорий на современном этапе и перспективам применения ГИС-технологий в исторических и географических исследованиях.

Сборник может представлять интерес для историков, археологов, антропологов, географов, экологов, экономистов, работников туристической сферы, преподавателей и студентов ВУЗов.

Ключевые слова: Северная Пасфики, история, география, междисциплинарные исследования.

Historical and Geographical Studies of North Pacifica: Problems and Perspectives of Interdisciplinary Synthesis: Materials of The Young Scientists Conference (Vladivostok, 22-24 of April 2013). –Vladivostok: Dalnauka, 2013. 76 p.

The collection includes material of Young Scientists of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, the Pacific Geographical Institute FEB RAS, Far Eastern Federal University and other research and academic institutions involved in the young scientists conference “Historical And Geographical Studies Of North Pacifica: Problems And Perspectives Of Interdisciplinary Synthesis”.

This event is dedicated to the scientific study of the problems and perspectives of the interdisciplinary studies of young scientists in closely connected disciplinary fields of history, archeology, anthropology, geography, geoeology and GIS-technology in the North Pacific. In papers are touched the questions of North Pacifica development by the ancient and traditional societies, sustainable development of the area at the present, and perspectives of using GIS-technology in historical and geographical studies.

For historians, archaeologists, anthropologists, geographers, ecologists, economists, workers of tourist sphere, teachers and students.

Key words: The North Pacific, history, geography, interdisciplinary studies.

Ответственные редакторы:

к.и.н. Ю.В. Латушко

к.г.н. К.С. Ганзей

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Президиума Дальневосточного отделения Российской академии наук*

*Утверждено к печати Учеными советами
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока,
Дальневосточного отделения Российской академии наук*

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Тихоокеанского института географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук

© ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН, 2013

© ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ ДВО РАН, 2013

ISBN978–5–8044–1371–3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>АРХЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЭКОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ</i>	8
Батаршев С.В. Система расселения и структура поселений среднего неолита Приморья.....	8
Крутых Е.Б. Освоение приханкайской равнины в финальном неолите.....	12
Гридасова И.В. Освоение новых территорий в раннем железном веке (по материалам памятника Березовая-2).....	16
Пискарева Я.Е. Археологическая культура Сацумон о. Хоккайдо.....	20
Лагушко Ю.В. Потестарно-политическое развитие Полинезии доконтактного периода (в контексте культурной экологии).....	23
Ганзей К.С., Лящевская М.С. Становление современной ландшафтной структуры о. Путятина в голоцене.....	27
 <i>ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ</i>	
Журавлёв П.В. Формирование административно-территориальной структуры Дальнего Востока России (сер. XVII – нач. XVIII в.).....	31
Заколюдная А.С. Результаты заселения юга Дальнего Востока России в оценках дореволюционных исследователей.....	35
Базаров К.Ю. Применение ARCGIS 9.3 для изучения исторических процессов (период модернизации, Приморский край).....	39
Крутоус И.В. Положение беженцев в Приморской области в годы Первой Мировой войны.....	41
Калинина И.В. Историческая изменчивость и сочетание факторов, влияющих на хозяйственное освоение Еврейской автономной области.....	45
 <i>СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ</i>	
Андропова О.А. Устойчивое развитие городских систем Дальнего Востока России.....	48
Суховеева А.Б. Территориальные различия экономического ущерба от потерь здоровья в результате смертности населения регионов Дальнего Востока России.....	52
Дец И.А. Современные крупные инвестиционные проекты и территориальное развитие: пример Байкальского региона.....	55
Дулатова В.Э. Развитие природно-ориентированных видов туризма как элемент устойчивого развития рекреации в Южном Приморье.....	59
Егидарев Е.Г. Развитие гидроэнергетического строительства в бассейне реки Амур.....	63
Ивакина Е.В. Условия формирования растительного покрова на техногенных территориях.....	67
Веремейчик А.С. Урбанизация в Северо-Восточном Китае.....	70
Ставров И.В. Социально-экономическое развитие Северо-Восточного Китая в планах центральной и местных властей (на примере провинции Ляонин).....	74

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает в себя материалы, в которых отражены основные результаты, полученные молодыми исследователями – участниками молодежной конференции «Исторические и географические исследования Северной Пасифики: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза», которая проходила в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Тихоокеанском институте географии ДВО РАН 22-24 апреля 2013 г.

В сборнике представлены работы студентов, аспирантов и молодых ученых из научных учреждений и высших учебных заведений Владивостока, Уссурийска, Иркутска, Биробиджана, посвященные вопросам археологии и культурной экологии, истории освоения и анализу современного устойчивого развития российского Дальнего Востока и сопредельных территорий.

С одной стороны, географическая и историческая наука всегда были тесно связанными между собой дисциплинами, с другой – природа современного научного знания определяется его междисциплинарным характером. Поэтому, данное научное мероприятие задумывалось как дискуссионная площадка для научной молодежи региона – исследователей историков, географов, археологов, антропологов, экономистов, а также представителей других смежных научных направлений с целью обсуждения полученных результатов и возможного более тесного будущего сотрудничества.

С инициативой проведения конференции выступили Советы молодых ученых и специалистов Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока и Института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук. Предложение было поддержано руководством Институтами и получило финансовую поддержку Президиума ДВО РАН, за что организаторы выражают им свою крайнюю признательность.

Мы также благодарим за участие откликнувшихся коллег из Приморского краевого отделения «Общества изучения Амурского края» и Дальневосточного федерального университета (Школа естественных наук, Школа гуманитарных наук и Школа педагогики).

Настоящий сборник может представлять интерес для историков, археологов, антропологов, географов, экологов, экономистов, работников туристической сферы, преподавателей и студентов ВУЗов.

Молодежная конференция «Исторические и географические исследования Северной Пацифики: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза» организована и проведена при финансовой поддержке Президиума ДВО РАН (13-III-Г-11-041; 13-III-Г-09-035).

Ответственные редакторы сборника
с.н.с., к.и.н. ИИАЭ ДВО РАН Ю.В. Латушко
с.н.с., к.г.н. ТИГ ДВО РАН К.С. Ганзей

АРХЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЭКОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ПАСИФИКИ

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА ПРИМОРЬЯ

С.В. Батаршев

*Дальневосточный государственный университет, Владивосток
batar1980@mail.ru*

Период среднего неолита в Приморье занимает промежуток времени протяженностью около 3500 лет между первой половиной VII тыс. до н.э. и началом IV тыс. до н.э. В это время на территории Приморья распространяются памятники руднинской, бойсманской и веткинской культур. Территориально памятники этих культур локализируются в Южном Приморье и Восточной Маньчжурии, кроме того, южный ареал бойсманской культуры занимает северную часть Корейского полуострова. Хозяйство культур среднего неолита Приморья характеризуется исследователями как комплексное присваивающее (охота, рыболовство, собирательство), включавшее активную эксплуатацию наземных и водных (морских, речных, озерных) биоресурсов. Система расселения, структура поселений, формы коллективной мобильности в определенной степени определялись сложившейся практикой освоения ресурсов окружающей среды.

Все известные к настоящему времени поселения периода среднего неолита Приморья можно отнести к трем типам.

I тип – кратковременные стоянки (КС), образовавшиеся в результате непродолжительной остановки группы людей для дневки, ночевки или выполнения каких-либо незначительных по трудозатратам операций (ремонт или изготовление охотничьего вооружения, приготовление пищи). На КС отсутствуют жилые, хозяйственные и производственно-бытовые сооружения, предполагающие функциональную организацию пространства (наземные жилища, очаги, хозяйственные ямы). При раскопках следы пребывания людей проявляются в лучшем случае в виде кострища, а также немногочисленных находок (от нескольких десятков до нескольких сотен). Как типичные КС можно

охарактеризовать памятники Зайсановка-1 (бойсманская культура), Лузанова Сопка-5 (руднинская культура), Осиновка (руднинская культура) и некоторые др.

II тип – сезонные промысловые стоянки (СПС), предназначенные для продолжительного проживания людей, занятых целенаправленной промысловой деятельностью и переработкой полученной добычи. Длительность существования СПС можно оценить от нескольких дней до одного-двух месяцев в пределах одного сезона. Функциональная организация пространства данного типа поселений обусловлена характером деятельности людей и длительностью промыслового сезона. На СПС присутствуют остатки жилых сооружений (временные, как правило, наземные жилища, навесы, ветровые заслоны), очаги (в ямах, с каменной обкладкой), кострища, хозяйственные постройки, ямы, крупные скопления инвентаря и т.д. Археологический материал представлен многочисленными коллекциями каменного инвентаря, керамической посуды, а на тех памятниках, на которых сохраняется органика – изделиями из кости, рога, остатками промысловой фауны (кости животных, птиц, рыб, створки моллюсков) и т.д. К настоящему времени изучено несколько памятников периода среднего неолита Приморья, которые мы можем охарактеризовать как СПС: Гладкая-4, Бойсмана-1, Бойсмана-2 (все три памятника относятся к разным этапам бойсманской культуры), Лузанова Сопка-2 (руднинская, веткинская культура), ЛЗП-3-6 (руднинская культура) и др.

III тип – долговременные поселения (ДП) с остатками углубленных в грунт зимних жилищ. Структура ДП обнаруживает интересные особенности: поселения располагаются по бортам речных долин, на оконечностях увалов или вершинах сопков, выдвинутых в сторону русла рек; все поселения образованы остатками одного жилища, в тех случаях, когда на памятнике селились несколько раз, новые жилища сооружались поверх предыдущих; жилища представляют собой долговременные постройки, предназначенные для проживания человека в холодный период (осень-зима-весна), что подтверждается конструктивными особенностями построек (углубленные в землю основания-котлованы, специально оборудованные очаги, хозяйственные ямы, ниши) и составом археологического инвентаря (обилие керамики, в том числе развалов сосудов на полу жилищ). Очевидно, что места для поселений выбирались с учетом возможности обзора окружающей местности, необходимого для быстрой реакции на передвижения

наземных животных. Основным занятием людей, оставивших эти поселения, являлась охота и/или рыболовство.

Поселения третьего типа наиболее многочисленны – к настоящему времени раскопано 10 таких памятников, относящихся к трем средненеолитическим культурам Приморья. Для руднинской культуры это – Дворянка-1, Катериновка-1, Новотроицкое-2, Рудная Пристань, Сергеевка-1, Чертовы Ворота, Шекляево-7, бойсманской культуры – Гвоздево-3, веткинской культуры – Ветка-2 и Орлиный Ключ.

Особый интерес вызывает наличие на поселениях среднего неолита только одного долговременного жилища. Учитывая небольшие размеры жилищ (70-20 м²) на одном таком поселении могло проживать лишь несколько парных (малых) семей, объединенных родственными связями и представляющих самостоятельную социальную ячейку – хозяйственный и социально-бытовой коллектив (большую семью). Каждый такой коллектив людей контролировал огромные по своей территории охотничьи угодья, так как плотность расположения памятников очень низкая – 1-2 памятника на одну речную долину. Даже если количество известных ДП в рамках одной речной долины увеличить в несколько раз (с учетом еще обнаруженных памятников), то полученная таким образом модель системы размещения поселений не будет противоречить имеющимся оценкам предельной плотности населения с присваивающим хозяйством, ведущим компонентом которого является охота. Демографическая емкость для зоны хвойно-широколиственных лесов составляет 7,4 чел/100 км², для лесостепи – 17,3 чел/100 км² [2, с. 16]. Известные примеры из жизни современных обществ охотников-рыболовов демонстрируют еще более низкую плотность населения. Так, у северных атапасков в 1970-е гг. в период зимней охоты демографическая емкость на занимаемой территории составляла 1,3 чел/100 км² [1, с. 201]. Несмотря на сделанный вывод, мы не исключаем возможность существования поселений с несколькими долговременными жилищами, функционирующими одновременно. Одно такое поселение известно на многослойном памятнике Рудная Пристань – это ранний горизонт заселения руднинской культуры. Уникальность этого поселка состоит в том, что жилища руднинской культуры (не менее 10) концентрировались вокруг «центра», представленного округлой, вымощенной камнями, «площадью», чьи «производственные функции... вторичны по отношению к социальным» [3, с. 63]. Все это позволяет рассматривать ранний горизонт

Рудной Пристани не просто как крупный поселок, а как поселение, имевшее особый социальный статус (например, племенного центра).

Суммируя вышесказанное, форму мобильности археологических культур среднего неолита Приморья мы можем определить, как *оседлую с сезонной миграцией*. Этот тип мобильности предполагал оседлость основной части населения в холодное время года (осень-зима-весна), обустройство в этот период долговременных поселений с зимними жилищами. Для охоты и рыболовства из долговременных поселений периодически совершались выходы промысловых партий, в этом случае на разном удалении от ДП возникали КС и СПС. С началом весеннего оттаивания почв обитатели долговременных поселений переселялись на СПС с временными жилищами, так как поздней весной, летом и ранней осенью проживание в полуподземных жилищах ДП было нефункционально (отсутствовала необходимость в защите от холода) и затруднительно (котлованы жилищ легко затапливались грунтовыми водами, помещения сырели). В последнем случае большая семья, проживавшая в зимнем жилище ДП, могла разделиться на несколько малых семей. С приближением зимы члены большесемейной общины вновь собирались вместе, строили новое зимнее жилище или перестраивали старое. Специально отметим, что предложенную систему расселения необходимо рассматривать лишь как элементарную модель, в реальности она могла быть гораздо сложнее и динамичнее. Этнографически подобная модель системы расселения хорошо известна на примере ительменов Камчатки XVII – XVIII вв. [4, с. 178-179].

Литература

1. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. 280 с.
2. Долуханов П.М. География каменного века. М.: Наука, 1979. 152 с.
3. Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.
4. Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. 773 с.

ОСВОЕНИЕ ПРИХАНКАЙСКОЙ РАВНИНЫ В ФИНАЛЬНОМ НЕОЛИТЕ

Е.Б. Крутых

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
lab39@mail.ru*

В середине второго тысячелетия до нашей эры в период финального неолита Приханкайская равнина была достаточно плотно населена. К настоящему времени известно порядка трех десятков памятников этого времени. В культурном отношении население этого периода относится к приханкайскому локально-хронологическому варианту зайсановской культуры [1].

Археологические комплексы, исследованные на данных памятниках, демонстрируют достаточно развитый характер материальной культуры населения финального неолита. Это проявляется в разнообразном каменном инвентаре, представленным орудиями как охотничьего (наконечники стрел и дротиков) и обрабатывающего назначения (топоры, долота), так и полифункциональными орудиями (мотыги, плуги-лопаты, зернотерки, куранты), которые могли применяться и в земледельческой практике. Последнее обстоятельство является особенно значимым в свете находок зерновок культурного проса на рассматриваемых памятниках. Керамическое производство характеризуется высоким уровнем развития (использованием дресвы талька в качестве отошителя, высокой температурой обжига, улучшением качества лощения). Ассортимент керамических емкостей включает в себя типы кухонной, тарной (большие емкости для хранения зерна) и специальной посуды (ковши с ручкой).

Полученная информация позволяет нам сформулировать облик хозяйственно-поселенческого комплекса населения Приханкайской равнины в период финального неолита, включающего в себя модель поселенческой структуры и характер хозяйственной деятельности. На основании месторасположения, характера построек и состава материальных комплексов можно выделить два типа памятников.

Первый тип – поселения, дислоцированные на окружающих Приханкайскую равнину сопочных массивах, расположенные на уплощенных вершинах и пологих склонах мысовидных выступов со-

пок, внешне представленные западинами от долговременных построек, имеющие в составе своих комплексов зерновки культурного проса и земледельческие орудия, что позволяет рассматривать их как памятники с земледельческой практикой.

Структура подобных поселений может быть представлена следующим образом. В комплекс поселения входили долговременные полуподземные жилища, эксплуатируемые в холодное время года. В теплый сезон использовались расположенные здесь же, на поселении или близ него сезонные жилища-навесы. Для производства бытовых и производственных работ, выполнение которых было затруднительно внутри жилищ, использовались хозяйственно-бытовые постройки. Эксплуатация данных сооружений производилась круглогодично, но направленность производимых работ могла изменяться сезонно (например, обработка зерна в осеннее время).

Второй тип – стоянки, расположенные на речных и озерных террасах, у подножия сопок непосредственно на территории Приханкайской равнины, внешне не имеющие признаков долговременных сооружений; характер их археологического инвентаря, фаунистические находки позволяют охарактеризовать деятельность обитателей как сезонную охоту и рыбалку.

Предполагаемый тип хозяйственной деятельности населения периода финального неолита опирается на характер инвентарных комплексов разных памятников, разницу в их расположении, типах построек и выраженной сезонности.

При оценке характера хозяйственной деятельности населения периода финального неолита необходимо отметить значимость природных условий - лесостепи Приханкайской равнины, роль которой в формировании экономики и взаимодействия населения приханкайских памятников трудно переоценить. Богатство животного мира и ихтиофауны лесостепи в сравнении с другими зонами предполагало сохранение роли охотничьего и рыболовного хозяйства, причем демографическая емкость лесостепи на базе такой экономики была вдвое больше и степной и лесной зон. Открытые пространства лесостепи с сильно развитой речной системой способствовали освоению территории, особенно ко времени появления водных средств передвижения. На поймах и низких участках надпойменных террас сезонные промысловые стоянки (сетевое и запорное рыболовство, охота, в т.ч. на водоплавающую дичь).

В рассматриваемый период (3800-3300 л.н.) на Приханкайской равнине складывается благоприятная агроклиматическая обстановка. Памятники занимают места, удобные для земледелия – пойменные участки с плодородными аллювиальными наносами, пологие склоны сопок. В комплексах рассматриваемых памятников вместе с находками зерновок культурного проса найдены орудия, которые мы отнесли к сельскохозяйственному комплексу – мотыги, ножи, куранты и зернотерки. Часть из них трасологически определяются как орудия для работы с растительным материалом. Среди посуды выделяются тарные сосуды, в том числе очень больших размеров.

Интересно отметить разнообразие культурных злаков, которое можно проследить на примере поселения Реттиховка-Геологическая [2]. Здесь отмечено наличие двух видов культурного проса (обыкновенного и итальянского), а также двух типов проса обыкновенного. Их возделывание требует как минимум трех разных полей, что подразумевает достаточно сложную систему агрокультуры. Ведь кроме выращивания разных видов проса, его также нужно раздельно хранить и использовать, иначе весь эффект от использования разных видов проса теряется. На основании имеющейся информации мы предполагаем, что хозяйственная деятельность населения была основана на сочетании земледельческой практики с охотой, рыболовством и собирательством. При этом часть населения занималась земледельческими работами, связанными с выращиванием проса. Другая, более мобильная часть, могла быть задействована как на земледельческих работах, так и на охотничье-рыболовных промыслах, носящих сезонный характер. В рассматриваемой ситуации места промысла могут быть расположены на значительном удалении, в нескольких днях пути, например, на побережье оз. Ханка. В таком случае базовые лагеря промысловиков характеризуются отсутствием долговременных сооружений и инвентарем охотничье-рыболовной направленности. Таким образом, мы можем оценить хозяйство населения приханкайских памятников как комплексное, сочетающее производящее (земледелие) и присваивающее (собирательство, охота, рыболовство).

Роль производящего компонента оценить затруднительно, но, учитывая тот факт, что на поселении Реттиховка-Геологическая при находке большого количества зерновок культурного проса двух видов были отмечены лишь единичные находки пищевых дикорастущих растений, ее можно рассматривать как значительную. Мы предполагаем,

гаем, что для хозяйства приханкайских памятников было характерно мотыжное земледелие подсечно-огневого типа.

Таким образом, в период финального неолита населением Приханкайской равнины был сформирован хозяйственно-поселенческий комплекс, состоящий из системы взаимосвязанных поселений, сочетающих промысловую и земледельческую практики, который позволил более полно осваивать природные ресурсы территории и способствовал дальнейшему развитию материальной культуры и социума.

Литература

1. Крутых Е.Б., Коломиец С.А. Финальный неолит Приморья: состояние изученности, концепции, перспективы исследований // Россия и АТР. 2010. № 3. С.79-93.
2. Сергушева Е.А. Культурные растения на археологических памятниках Приморья по палеоэтноботаническим данным // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia. University of Kumamoto, 2005. С.29-42.

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА БЕРЕЗОВАЯ-2)

И.В. Гридасова

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
irceo@mail.ru*

В 2011 г. при раскопках памятника Березовая-2 получена коллекция археологического материала, представляющая интерес для дальнейшего изучения и выявляющая новые аспекты в изучении янковской культуры, считавшейся одной из наиболее изученных в Приморье.

Памятник находится на территории Партизанского городского округа Приморского края, в 1,73 км на запад от поселка Краснополье, на террасах правого берега реки Партизанская. Поселение занимает восточную оконечность второй (высокой) надпойменной террасы и часть первой надпойменной террасы. Площадь памятника составила 1900-2000 м², раскопами вскрыто 700 м².

Основная часть археологического материала раскопа 1, расположенного на верхней террасе залегала в слое светло-коричневого суглинка (мощностью 20-24 см) и на его контакте с подстилающим желтовато-коричневым суглинком. Часть артефактов в переотложенном состоянии была найдена в подерновой гумусированной супеси.

В раскопе 2, находящемся на нижней надпойменной террасе, археологический материал залегал практически во всей толще рыхлых напластований (мощностью 40-70 см). В не потревоженном виде артефакты залегали лишь в нижней четверти отложений. В верхних же слоях раскопа материал находился в переотложенном состоянии, вследствие обрушения высокой надпойменной террасы и частых размывов, связанных с периодическим подъемом уровня реки [4].

В ходе работ была получена многочисленная коллекция археологического материала, включающая в себя фрагменты лепной посуды, керамические изделия и каменные артефакты.

Каменный инвентарь памятника сильно отличается от привычного набора каменных орудий других янковских поселений. Отметим незначительное количество шлифованных орудий (тесла, наконечники стрел, дротики), отсутствие кинжалов, ножей. Большую часть коллекции составляют нуклеусы на гальках, орудия на галеч-

ных сколах и отщепах, а также отходы (дебитаж), связанные с их изготовлением.

В качестве сырья использовались базальтовые, андезитовые гальки, реже гальки из осланцованного песчаника и глинистых сланцев. Для расщепления подбирались гальки двух видов – овальные, уплощенные и призматические со скругленными углами, редко круглые. На памятнике выделены 2 типа нуклеусов: 1) преобладают нуклеусы с бифасиальным принципом расщепления – ударная площадка специально не подготавливалась, скалывание производилось последовательно с двух параллельных плоскостей гальки; 2) менее представлены нуклеусы с субпараллельным принципом снятия, с последовательным оформлением нескольких площадок и фронтов скалывания.

Большинство отщепов и сколов средних и крупных размеров. Мелкий дебитаж представлен в основном каменными обломками и осколками, сопутствующими расщеплению. Следует отметить особенности значительной части отщепов: почти все они короткие (длина не превышает ширину), достаточно массивные – толщиной 0,5 см и более, а также имеют широкий рудимент ударной площадки – 0,7-1,2 см. Это свидетельствует о том, что для получения отщепов на данном памятнике использовалась техника ударного расщепления.

Орудийный набор составляют орудия на галечных сколах и отщепах с минимальной подработкой или без нее. Среди них выделены рубящие орудия, скребки, ножи, стамески, комбинированные орудия. Большая часть орудий оформлена ударной или отжимной краевой ретушью, за исключением резчиков, выполненных на плоских галечных сколах и имеющих тщательно пришлифованные рабочие кромки.

Особый интерес представляют сверла (самая многочисленная категория из галечных орудий с подработкой), выполненные на сколах или отщепах с выделенным рабочим острием. Рабочее острие практически у всех сверел оформлялось ударной односторонней или двусторонней краевой ретушью, лишь несколько экземпляров использовались без предварительной подработки. В коллекции имеется несколько орудий с двумя рабочими остриями, расположенными как на смежных, так и на противоположных концах отщепа (скола).

Кроме этого в коллекции имеются галечные грузила с одной или двумя противоположащими выемками, оформленными оббивкой, а также орудия без какой-либо подработки (абразивы, терочные плиты, песты, отбойники).

Отдельной категорией изделий из камня являются украшения, представленные плоскими шлифованными подвесками и их заготовками из зеленовато-серого сланца, округлой, овальной или подквадратной формы, с биконическим отверстием в центре.

Отличительной чертой коллекции каменных орудий поселения Березовая-2 является наличие в одном комплексе шлифованных изделий, характерных для янковской культуры, и грубых галечных орудий, имеющих архаичный облик, причем последние преобладают. Значительную часть коллекции составляют орудия с минимальной подработкой рабочих поверхностей, либо вовсе без нее. Большая часть орудий специально не оформлялись, подбирались подходящие по форме и размеру отщепы (чаще всего первичные и вторичные отщепы и сколы, сохраняющие галечную корку), которые использовались в качестве скребка или ножа. Реже рабочее лезвие подрабатывалась ударной либо отжимной ретушью.

Подобные галечные орудия на других памятниках янковской культуры представлены единичными экземплярами, не составляющими полный технологический контекст, в связи с чем они не рассматривались исследователями подробно, а, зачастую, и вовсе датировались более ранним временем [2, с. 91].

Еще одной яркой особенностью каменного инвентаря памятника является наличие галечных нуклеусов с бифасиальной стратегией снятия отщепов.

Ближайшие аналогии каменному инвентарю поселения Березовая-2 обнаруживаются на континентальных памятниках янковской культуры: памятники в долине р. Партизанской (янковское поселение возле с. Боец-Кузнецов [6, с. 239], Орел-2 и Орел-3 [5]). Также к этой группе можно отнести поселение Валентин и поселение в бухте Мелководной [1; 2, с. 87-100; 3, с. 137-141].

На наш взгляд, проведенные исследования позволяют судить о процессах адаптации носителей янковской культуры к новым условиям проживания в долине реки Партизанская. В частности, отсутствие привычных источников сырья вынуждало искать новые сырьевые ресурсы и новые технологии в производстве каменных орудий.

Научный руководитель: м.н.с. ИИАЭ ДВО РАН, Дорофеева Н.А.

Литература

1. Андреева Ж.В. Древнее Приморье (железный век). М.: Наука, 1970. 145 с.
2. Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (1 тыс. до н.э.). М.: Наука, 1977. 240 с.
3. Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 216 с.
4. Слепцов И.Ю. Отчет о раскопках поселения Березовая-2 в Партизанском городском округе Приморского края. 2012 г. 376 с.
5. Татарников В.А. Отчет о разведочных работах в Приморском крае в долинах рек Большой Уссурки, Партизанской и Киевки. 1976.
6. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1973. 440 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА САЦУМОН О. ХОККАЙДО

Я.Е. Пискарева

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
7yana7@mail.ru*

Время существования культуры сацумон в Японии приходится на период с 7 по 13 вв. н.э., что соответствует эпохе раннего средневековья в дальневосточной российской археологии [1]. Поселения этой культуры располагались на о. Хоккайдо, некоторые материалы обнаружены на о. Сахалин [2].

В процессе формирования культуры сацумон участвовали население периода эпидземон о. Хоккайдо и население северного Тохоку о. Хонсю [5]. Два этих острова разделяет пролив Цугару, вероятно, никогда являвшийся серьезным препятствием для жителей обоих островов, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки артефактов импортировавшихся с Хонсю на Хоккайдо. В 7 в н.э. часть населения северного Тохоку переселяется на Хоккайдо [3]. Причиной переселения могла быть экспансия государства Ямато, стремившегося подчинить себе территории севера острова Хонсю.

Одной из основных проблем в изучение культуры сацумон является ее происхождение. Вопрос заключается в том, какое население стало основой культуры – местное эпидземонское, или пришлое с северного Тохоку (о. Хонсю).

Основными «маркерами» культуры сацумон являются лепная керамика и углубленные жилища с печью «камадо». Истоки сацумонского гончарства исследователи связывают с керамикой типа хаджики, существовавшей начиная с периода Кофун, так и в периоды Нара и Хейан на о. Хонсю [2,3,5]. Керамика хаджики в 5-7 вв. изготавливалась вручную, без применения круга. Это вытянутые сосуды с воронкообразным устьем, обработанные при помощи выглаживания деревянным мелкозубчатым инструментом. В результате внешняя поверхность изделий покрывалась тонкими параллельными бороздами от дна до венчика. Другой тип сосудов - это чаши. Их отличает плавный, трудноуловимый переход от стенки ко дну, и черная, задымленная поверхность изнутри.

На Хоккайдо керамика хаджики впервые встречается на памятниках 7 в. н.э., например на поселении Марукояма, расположенном недалеко от Саппоро [4]. Самый поздний культурный горизонт памятника датирован 7 в. н.э. Лепные сосуды из жилищ этого горизонта представлены горшками, вазами и чашами, поверхность которых покрыта «прочесами», горловина сосудов орнаментирована параллельными горизонтальными линиями.

Керамика, которую можно назвать типично сацумонской появляется в конце 8-го-9 в. В ней сочетаются традиции керамики периода эпидземон о. Хоккайдо и керамики хаджики. Существует множество классификаций керамики сацумон [2]. Исследователи выделяют типы сосудов, характеризующие различные локально-хронологические группы культуры. На всем протяжении культуры сохраняется устойчивая форма сосудов - высокие слабопрофилированные сосуды, часто с выглаженной деревянной гребенкой поверхностью, орнаментированные в верхней части глубоким врезным орнаментом. Локально-хронологические особенности проявляются в основном в орнаментации изделий, способах оформления венечной части. Обработка поверхности и форма сосудов имеет высокую степень сходства с керамикой севера о. Хонсю.

Жилища культуры сацумон находят прямые аналогии в материальной культуре населения Тохоку (о. Хонсю). Ко времени появления этого населения на Хоккайдо углубленные жилища отсутствовали. Самые ранние полуземлянки относятся к 7 в.н.э. Жилища небольшого размера 11 - 25 м², углубленные на 40-60 см (поселение Марукояма). Из особенностей конструкции жилищ следует отметить наличие основных столбовых ям за пределами жилища, на расстоянии около полуметра от углов сооружения. В некоторых жилищах присутствовала печь-камадо. Корпус печи изготавливался из глины, дымоход выходил за пределы котлована жилища. Конструкция сацумонских жилищ сохраняет эти традиции, меняется расположение столбов – они вкапывались по углам жилищ. Размеры сооружений составляли от 2.5х3 м до 9.2х9 м (поселение Обира). Печь-камадо, как правило, сооружалась в юго-восточной стенке жилища, укреплялась камнями и обмазывалась глиной. Аналогичные конструкции жилищ и печей встречаются на памятниках северного Тохоку.

Таким образом, в археологической культуре сацумон можно отметить прямые аналогии из материальной культуры населения север-

ного Тохоку (о.Хонсю), что возможно свидетельствует о его преобладающей роли этого населения в процессе формирования культуры сацумон.

Работа выполнена при поддержке гранта Японо-Российского центра молодежных обменов (JREX).

Литература

1. Дерюгин В.А. Север Японского архипелага и окружающий мир в VII-XIII вв. // История и культура Востока Азии. Мат-лы МНК (Новосибирск, 9-11 декабря 2002 г.). Новосибирск. 2002. Т.2
2. Прокофьев М.М. Дерюгин В.А., Горбунов С.В. Керамика культуры сацумон и ее находки на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск: Обществ. изучения Сахалина и Курильских островов, 1990. 66 с.
3. Aikens, C. Melvin, Takayasu Higuchi Prehistory of Japan. New York.: Academic Press, Inc., 1982. 354 p. Англ.яз.
4. Chitose archeological survey reports XIX. Excavations in Marykoyama Site. Chitose Board of Education, Hokkaido, Japan. 1994. 251 p. Яп.яз.
5. Keiji Imamura. Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia. Hawaii: University of Hawai'i Press. 1996. 246 p. Англ.яз.

ПОТЕСТАРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИНЕЗИИ ДОКОНТАКТНОГО ПЕРИОДА (В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ЭКОЛОГИИ)

Ю.В. Латушко

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
latushko@mail.ru*

Основные различия форм культурной эволюции полинезийцев до контакта с европейцами определялись особенностями среды обитания и характером адаптации к таковым. Этот аспект основательно изучен в антропологической литературе [9; 5].

Общества атоллов (т.н. «низких островов») были малочисленными и проще организованными по сравнению с вулканическими («высокими») территориями. Где «управленческая революция» стала ответом на рост населения и острую конкуренцию за ресурсы. Введение политической иерархии закрепляло неравную дистрибуцию прибавочного продукта, интенсифицировало хозяйство и закрепляло статус правящей группы (клана). Для всего этого должен был сложиться известный оптимум средовых ограничений и реакции социальной системы на них. Так, большинство атолловых территорий при известной технологической и продуктивной специфике не могло поддерживать население свыше нескольких сотен человек. Вожди (PPn *'ariki) здесь пользовались лишь большим почетом, но самостоятельно добывали себе пропитание (атоллы Пукапука, Футуна и др.). Однако уже на Самоа они были освобождены от данной обязанности, а на Тонга, Таити, Гавайях предконтактного периода от добычи средств к существованию были освобождены не только вожди, но и члены их семей. Вместе с тем, избыток ресурсов препятствовал формированию максимально стратифицированных обществ (на Новой Зеландии были зафиксированы лишь простые вождества).

Сценарий развития вулканических островных обществ можно проследить на примере обитаемой части Гавайев (о-ва Ниихау, Кауаи, Оаху, Мауи, Молокаи, Ланаи, Кахулаве, Гавайи, до XIV в. о. Некер). Первые насельники появились здесь около середины первого тыс. н.э. Сначала люди селились на побережье и наиболее удобных плодородных землях речных долин. Границами большесемейных держаний

были естественные преграды в виде гор и моря. Так складывались первые территориальные единицы *ахунаа*. Численность первых колонистов едва ли превышала несколько сотен человек. Огромное значение для них имел рыбный промысел, так как морепродукты были основным источником протеина. В пищу употребляли свыше 350 видов рыб из 600 обитавших в прибрежных водах [1: 5]. Рыбный промысел имел не только утилитарное хозяйственное значение, но и служил ритуальным задачам [10]. Земледелие мотыжного типа развивалось на плодородных аллювиальных почвах долин. Основными культурами были ямс, батат и таро. Эти культуры, наряду с бананами, лечебными травами и волокнистыми растениями, были завезены первыми людьми. Таро выращивали на орошаемых и неорошаемых полях. Причём, последние были своего рода «общественными полями», тогда как первые находились под пристальным контролем вождей разного уровня. В ряде районов производство таро на орошаемых полях шло рука об руку с развитием марикультуры.

Вероятно, около 800 г. н.э. произошёл один из первых скачков численности населения, когда оно стало исчисляться не сотнями, а тысячами человек. В это время возникают первые простые вождества (двухуровневая система). Как результат, кардинально изменялась среда обитания – часть эндемических видов орнитофауны оказалась истребленной, почвы подверглись эрозии. В результате человек стал осваивать и другие экологические зоны – сначала засушливые наветренные берега, а потом и внутренние горные районы (*маука*). Следующий скачок пришёлся примерно между 1200–1400 гг. Возможно, под воздействием большой волны колонистов (с островов Общества) [3]. Т. Эрл [4] называл этот этап гавайской доистории «формативным» периодом, суть которого заключалась в образовании сложных надлокальных иерархических структур (трехуровневых систем), в результате чего впоследствии возникло единое Гавайское королевство. Совершенствование сельскохозяйственной техники (удобрения, прополка, дамбы) позволяло вождям сосредотачивать в своих руках большие излишки, которые укрепляли их власть и давали им средства для дальнейшего расширения. С XIV–XV вв. и до конца XV в. формируются региональные политии, вышедшие за пределы локальных территориальных образований. В это время под власть верховных вождей попадают территории, объединявшие большое число прибрежных и внут-

ренных долин (*ахупуаа*). Численность населения таких образований начинает достигать десятков тысяч человек [6: 246]. Важным археологическим индикатором усложнения социальной структуры служит монументальная архитектура. Примерно с рубежа XIV-XV вв. начинают воздвигаться крупные храмовые комплексы – *хеиау луакини* [7]. По подсчётам М. Кольба, для создания самого большого на о. Мауи *хеиау луакини Пииланихале* (объём каменной насыпи $\approx 18000 \text{ м}^3$) потребовалось около 130 тыс. человекодней (при расчётной продолжительности рабочего дня в 10 часов) [8]. За ходом работ следили управляющие – прообраз будущего бюрократического аппарата. Пространственное распределение и типология храмов отражают территориальную и общественную иерархию. Максимальной численности населения Гавайи достигли примерно в конце XV в. (по разным оценкам от 160 до 800 тысяч человек) [3]. Наиболее приемлема цифра в 250–300 тысяч человек. Если учесть, что площадь пригодных для ведения сельского хозяйства районов, в которых сосредотачивалась основная масса населения, составляла лишь 10–20% от общей площади архипелага, то плотность населения составляла порядка 90–180 человек на км² [2: 267]. Следующим этапом в развитии гавайских вожеств было их оформление в масштабах целых островов (XVI – сер. XVII вв.). В это время начинается широкомасштабное строительство ирригационной сети (кроме о. Гавайи), тогда как темпы строительства больших храмов несколько замедляются. К концу этого периода образовались четыре враждующие между собой политики островов Мауи, Оаху, Гавайи и Кауаи. В таком виде гавайское общество подошло к контакту с Западом.

Литература

1. Халеоле С. Сказание о Лаиэ-и-ка-ваи. М.: Наука, 1987. 204 с.
2. Bakel M.A. van The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared // Early State Economics. New Brunswick and London, 1991. Vol. 8. P. 265-290.
3. Dye, T., Komori E. A Pre-censal Population History of Hawaii // New Zealand Journal of Archaeology. 1992. Vol. 14. P. 113-128.
4. Earle T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
5. Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.

6. Johnson A.W., Earle T.K. The evolution of Human Society: from Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1987. 387 p.
7. Kirch P.V. Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii // *World Archeology*. 1990. Vol. 22. №2. P. 206-221.
8. Kolb M.J. Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i // *Current Anthropology*. 1994. Vol. 35 P. 521-547.
9. Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
10. Titcomb M., Pukui M.K. Native use of fish in Hawaii // *Journal of the Polynesian Society*. 1951. Vol. 60. №2-3. P. 1-57.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛАНДШАФТНОЙ СТРУКТУРЫ О. ПУТЯТИНА В ГОЛОЦЕНЕ

К.С. Ганзей¹, М.С. Лящевская²

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток

¹kganzev@tig.dvo.ru, ²lyshevskay@mail.ru

Остров Путятина является вторым по величине островом залива Петра Великого (Японское море) и располагается в северо-восточной части залива. Площадь острова составляет 27,9 км². На основе полевых исследований, проведенных в 2010-2011 гг., выполнено ландшафтное картографирование в масштабе 1:50000 с выделением морфологических единиц ранга урочище и получены новые данные об этапах развития природной среды о. Путятина в голоцене.

В современной ландшафтной структуре о. Путятина доминирующее положение занимают ландшафты пологих (48% от площади острова) и средней крутизны склонов (23,4%), преимущественно сложенные гранитами и габброидами. На пологих склонах в растительности преобладают разреженные широколиственные леса из дуба, липы и кленов на типичных и слабозадернованных буроземах (6,78 км²). Для ландшафтов средней крутизны склонов характерно распространение высокосомкнутых дубовых лесов на буроземах типичных (1,87 км²), а также разреженных широколиственных лесов на типичных, слабозадернованных буроземах (0,6 км²) и кустарниково-разнотравных сообществ на буроземах темных (0,59 км²). Комплекс данных урочищ практически полностью формирует горную часть острова. Только в северной части острова на склонах горы Старцева представлены урочища крутых склонов сложенных габброидами с высокосомкнутым дубовым лесом с примесью граба, бархата, клена на неполноразвитых сильноскелетных буроземах. На привершинных и вершинных частях горы Старцева и ряда других возвышенностей распространены урочища куполообразных и платообразных вершинных поверхностей (1,49% от площади острова), сложенных гранитами, габброидами, редко в южной части острова зелеными сланцами, порфиритами, песчаниками, конгломератами и линзами мраморов с кустарниково-разнотравными сообществами из рододендрона, леспедецы, барбариса с редколесьем на неполноразвитых сильноскелетных буроземах (1 км²), а также

с кустарниково-разнотравными сообществами на буроземах темных (0,12 км²). Местами на вершинные поверхности проникает разреженный широколиственный лес, сформированный дубом, липой, кленами на типичных и слабозадернованных буроземах (0,09 км²).

Субдоминирующее положение на острове занимает комплекс равнинных ландшафтов (около 12% площади острова), который формирует центральную часть о. Путятина в районе озер Гусиное, Цап-линное и небольшие полигоны вдоль восточного побережья. Здесь преобладают урочища прибрежных горизонтальных и субгоризонтальных низменностей (10,94% от площади острова), сложенные конгломератами, песчаниками и алевролитами, редко известняками с разнотравными болотами на низинных торфяниках (1,03 км²) и торфянисто-перегнойно-глеевых почвах, с влажными разнотравными лугами на луговых глеевых почвах (0,62 км²). Для приподнятых участков характерно распространение кустарниково-разнотравных сообществ (0,15 км²) и леспедечников на буроземах темных (0,05 км²).

Вдоль восточного и юго-западного побережий острова узкой полосой протянулись урочища абразионно-денудационных уступов с гравийно-галечными отложениями с супралиторальными и петрофитными группировками на маршевых и примитивных почвах (0,82 км²). Фрагментарно на о. Путятина представлены урочища горизонтальных и субгоризонтальных террасовидных поверхностей преимущественно сложенные гранитами, местами глинистыми алевролитами, песчанниками, сидеритовыми конкрециями и редко габброидами (0,25 км²) с разреженными широколиственными лесами из дуба, липы, кленов на типичных и слабозадернованных буроземах и кустарниково-разнотравными сообществами на буроземах темных.

Комплекс урочищ днищ долин временных и постоянных водотоков с аллювиальными гравийно-галечными отложениями распространен только в северной части острова и занимает 0,93 км² (3,36% от площади острова). К долинам в основном приурочены разреженные широколиственные леса на фрагментарных примитивных почвах, а также на типичных и слабозадернованных буроземах. В центральной части острова к долинным ландшафтам западных макросклонов приурочены черемухово-ивовые леса на задернованных глееватых буроземах.

Спорово-пыльцевые данные почвенных профилей о. Путятина свидетельствуют о трех этапах развития растительности в позднем

голоцене, которые достаточно хорошо коррелируются с материалами, полученными для шельфа бух. Киевка (Южное Приморье) [2]. Изменения в составе растительности острова были связаны с общерегиональными колебаниями климата и интенсивным антропогенным воздействием в течение последних 100 лет. Первый этап развития растительности соответствует холодным климатическим условиям начала позднего голоцена и связан с распространением березово-дубово-липовых лесов с участием березы кустарниковой, ольхи и папоротниково-разнотравным покровом. По археологическим данным на побережье залива Петра Великого в этот период формируется янковская культура древнего человека (ранний железный век Приморского края), возраст которой оценивается 2500-2000 л.н. [1, 2]. Второй этап связан с развитием хвойно-широколиственных лесов из сосны корейской с бархатом амурским, дубом монгольским, аралией высокой, калопанаксом семилопастным, ольхой, липой, березой. Климатические условия были теплее по сравнению с предыдущим этапом, но холоднее современных. Времени, сопоставляемому с этим периодом, соответствует формирование 2,5-м морской аккумулятивной террасы на побережье, возраст которой по C^{14} по раковинам моллюсков равен 1420 ± 180 (МГУ-758) и 1400 ± 200 (МГУ-810) лет [2]. Третий этап развития соответствует современной растительности острова, которая является вторичной в результате антропогенного влияния. Тенденция сокращения хвойных и увеличения широколиственных пород в составе лесной растительности началась приблизительно 720 ± 150 (МГУ-759) л.н. [2]. Освоение острова началось с 1891 г., когда сюда переехал с семьей купец Алексей Старцев. Он построил на острове кирпичный завод, занялся разведением коней, коров, оленей, разбил фруктовые сады и виноградники. Все это оказало большое влияние на снижение видового разнообразия растительного покрова. Из состава лесных сообществ исчезла сосна корейская, массовое распространение получили дубняки, березняки, леспедечники и травяно-кустарниковые ассоциации в местах былых пожаров.

В настоящее время остров испытывает высокие рекреационные нагрузки, наблюдаются ежегодные низовые пожары. Их следы четко фиксируются как в напочвенном покрове в виде куртин выгоревшей подстилки, так и в многочисленных обгоревших нижних частях стволов деревьев нередко до высоты 1-1,5 м. Пожары привели не только к трансформации естественных растительных сообществ,

но и к активному развитию эрозионных процессов вследствие уничтожения лесной растительности и особенно травяно-кустарникового яруса. Примером тому являются многочисленные овраги, окаймляющие территорию поселка.

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ 12-05-00202, 12-05-31093 и Президиума ДВО РАН 13-III-B-09-017.

Литература

1. Бродянский Д.Л., Эдаков А. В. Археологическая разведка на острове Путятина в 1966 году // Материалы VIII научной конференции ДВГУ. Ч. 1. Владивосток, 1968. С. 95-97.
2. Кузьмина Н.Н., Шумова Г.М., Полякова Е.И., Недешева Г.Н. Палеогеографические реконструкции голоцена северо-западного побережья и шельфа Японского моря // Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1987. № 4. С. 78-89.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (сер. XVII – нач. XVIII в.)

П.В. Журавлёв

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
AcademHistoryStyle@yandex.ru*

Зарождение административно-территориальной структуры Дальнего Востока приходится на 1638 г., когда был образован Якутский уезд, охватывавший в то время территорию от водораздела рек Лены и Енисея до побережья Тихого океана и от побережья Северного Ледовитого океана до хребтов Станового и Джугджура [10, с. 17].

В 1653 г. Сибирский приказ направил на Амур и Зею дворянина Д. Зиновьева, поскольку в Москве стало известно о присоединении отрядом Е. Хабарова земель части дауров Верхнего Амура к России [7, с. 31]. Зиновьев обладал фактически воеводскими полномочиями [2, с. 25], что позволяет предполагать, что уже тогда Центр осознал необходимость административного отграничения Приамурья от Якутского уезда. Это подтверждается и тем обстоятельством, что с этого момента ясак с амурских земель стал отправляться напрямую в Москву, минуя Якутск [3, с. 94].

В 1653/54 гг. П. Бекетовым был основан Нерчинский острог (при впадении р. Нерчи в Шилку). В 1654 или 1655 г. Нерчинск и прилегающие к нему земли Забайкалья были выделены в особый Нерчинский уезд. Сам Нерчинск стал центром нового уезда в 1658 г [4, с. 37; 11, с. 19; 12, с. 154].

Причины образования новой административно-территориальной единицы заключались, во-первых, в географической близости Нерчинска к землям Приамурья; во-вторых, в наличии в Приамурье больших пушных ресурсов [9, с. 34, 41 – 42].

Новый уезд на рубеже 50-х – 60-х гг. XVII в. охватывал территорию Восточного Забайкалья, отделяясь на западе от Иркутского уезда Яблоновым хребтом [4, с. 39; 7, с. 60].

В начале 1680-х гг. был образован Албазинский уезд, центром которого стал Албазинский острог, построенный в 1650 г. Он был выделен из состава Нерчинского уезда и включал в себя территорию от слияния рек Шилки и Аргуни до Амурского лимана (либо до устья р. Буреи) и от течения Амура до верховьев рек Зеи, Селемджи, Уды и левых притоков Амгуни [4, с. 52; 5, с. 289; 2, с. 49; 7, с. 30, 33, 60].

Причина формирования новой административно-территориальной единицы состояла в заметных успехах в освоении и заселении Приамурья. К началу 1680-х гг. территория уезда из категории колонизируемой перешла в категорию периферийной земли Московского царства [11, с. 21].

На 1682 г. приходится образование Иркутского уезда, выделенного из Енисейского [8, с. 126]. Он располагался в Прибайкалье и Забайкалье.

В последней трети XVII в. отмечался взлёт роли Нерчинска как торгового и экономического центра Дальнего Востока. В 1689 г. он был объявлен городом [6, с. 200].

Распространение русского влияния в Приамурье и Приморье было остановлено столкновением с Цинским Китаем, власти которого усмотрели угрозу своим позициям в Маньчжурии в действиях русских землепроходцев в бассейне Амура. Конфликт в итоге завершился подписанием Нерчинского договора 27 августа 1689 г. Согласно ему, граница между обоими государствами устанавливалась по рр. Горбице и Аргуни, а территория южнее р. Уды оставалась неразграниченной. Город Албазин подлежал ликвидации, поскольку он располагался на китайской территории [1, т. 3, № 1346].

Оформление русско-китайской границы в 1689 г. имело неблагоприятные последствия для процесса генезиса административно-территориальной структуры русского Дальнего Востока: пришлось очистить земли, оказавшиеся за пределами российской территории. По этой причине в 1689 г. Албазинский уезд был ликвидирован [7, с. 60]. Кроме того, утрата контроля за бассейном Амура лишила Россию удобных коммуникаций, по которым можно было бы осуществлять связь с отдалёнными северо-восточными землями. С другой стороны, насильственная блокировка южного направления русской колониза-

ции привела к интенсификации попыток местных властей объяснить аборигенное население Северо-Востока, к ускорению процесса освоения Чукотки и Камчатки [6, с. 201].

В итоге к концу XVII в. административно-территориальная структура Дальнего Востока выглядела следующим образом: северо-восточная часть и Охотоморье входили в состав Якутского уезда, южная часть и Восточное Забайкалье – в состав Нерчинского, а Прибайкалье и часть Забайкалья - в состав Иркутского уезда.

Началом нового этапа истории административно-территориального деления Дальнего Востока является губернская реформа, проведённая в правление Петра I. 18 декабря 1708 г. страна была разделена на 8 губерний, к которым приписывались города. К Сибирской губернии были приписаны в том числе Иркутск, Якутск и Нерчинск [1, т. 4, № 2218]. Отныне воеводы сибирских и дальневосточных городов и уездов назывались комендантами, и назначались они не Центром, как ранее, а губернатором, находившимся в Тобольске [8, с. 136].

Научный руководитель: зав. Отделом истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, к. и. н. Сергеев О. И.

Литература

1. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое
2. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Кн. Изд-во, 1984. 272 с.
3. Андриевич В.К. История Сибири. Часть I. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. С.-Пб.: 1889. 220, [XIV] с.
4. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: 1999 г. 336 с.
5. Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). К 200-летию образования Российско-Американской компании. Владивосток: 2001. С. 287 – 297.
6. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Междунар. отношения, 1998. 304 с.
7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.

8. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 тт. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. М.: Наука, 1968 г. 540 с.
9. Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока (XVII – начало XX века). Хабаровск: Книжное изд-во, 1958. 176 с.
10. Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Изд-во «Наука», 1978. 260 с.
11. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М.: Наука, 1983. 127 с.
12. Христосенко Г.А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1977. С. 153 – 175.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ОЦЕНКАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А.С. Заколотная

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
zakolodnay@mail.ru*

В настоящее время представляет интерес рассмотрения точек зрения дореволюционных исследователей как непосредственных современников на достигнутые результаты переселения, их оценка произошедших событий.

Исследователи обращали особое внимание на уровень развития крестьянских хозяйств как основной показатель успешности колониальной политики правительства. Господствующее положение получила следующая точка зрения: на Дальнем Востоке России наибольшее распространение получил экстенсивный тип хозяйства. Данной точки зрения придерживались Г.Е. Грум-Гржимайло [5], Ф. Волгин [3], В.Л. Комаров [9], Е.Т. Смирнов [14] и другие. Само отношение авторов к данному факту было неоднозначным. Вслед за С.И. Коржинским впервые назвавшим крестьянское землепользование «хищническим» [10, с.38], данную характеристику стали использовать и другие авторы, соглашаясь с ней (Н.А. Крюков [11, с.136-137], Е.Д. Веселовская [2, с.34], Б. Иваницкий [6, с.6]) или оспаривая ее. Большая часть авторов считали, что экстенсивный тип хозяйства – это временное явление, реакция на новые непривычные природно-климатические условия, привыкнув к которым крестьяне перейдут к более совершенным способам обработки почвы (Ф. Волгин [3, с.141-142], В.Л. Комаров [9, с. 469, 489], Е.Т. Смирнов [14, с.111-112]).

Рассматривая различные точки зрения дореволюционных авторов на общие итоги переселенческой политики государства, необходимо иметь в виду, что временной промежуток и продолжительность переселения, оцениваемые исследователями, различны и зависят от времени написания работы. Так, в работе 1863 г. Д. Афанасьев рассматривал переселения крестьян в 1855 и 1860 г. Несмотря на то, что первая партия сумела создать самостоятельные хозяйства, вторая же – наоборот, зависела от государственных дотаций, автор считал, что

государство сумело решить следующие задачи: обеспечение нужд плавания по р. Амуру, почтовая гоньба и снабжение служащих хлебом, охрана границ [1, с. 28-29, 72].

Государственные должностные лица по-разному оценивали достигнутые результаты. Так, в своем всеподданнейшем отчете С.М. Духовской сообщал, что край к 1893 г. продолжал оставаться крайне малонаселенным [4, с.6, 78]. Чиновник особых поручений по переселенческим делам А.А. Тарновский находил, что «положение крестьян-новоселов в общем удовлетворительно, особенно во всех селениях Амурско-Зейской волости» [15, с.7]. Коллежский секретарь А.В. Кривошеин указывал, что «заселение того края в общем идет успешно и оправдывает ожидания возлагаемы на него правительством». Сенатор Б. Иваницкий пришел к выводу, что уровень развития культуры местных хозяйств оставался крайне низким, повсеместно крестьяне применяли хищнические приемы обработки почвы [6, с.6]. П.Ф. Унтербергер пришел к выводу, что хозяйство крестьян носило комплексный характер, большинство сел жили зажиточно, временные неуспехи объясняются неправильным выбором места поселений из-за незнания колонистами особенностей климата дальневосточного края. П.Ф. Унтербергер подчеркнул положительную роль права свободного выбора крестьянами-переселенцами земель, так как это «послужило залогом тех благоприятных результатов в деле первостепенной важности для края» [16, с. 96].

Не были одинаковыми оценки и ученых, исследователей Дальневосточного края. Действительный член Императорского русского географического общества ботаник В.Л. Комаров полагал, что уровень благосостояния населения в области постепенно растет вместе с развитием хлебопашества и считал необходимым продолжать колонизацию области сельским населением, как наиболее эффективным и отвечающим потребностям края элементом [9, с.490-492]. У А.А. Кауфмана наблюдается эволюция взглядов в сторону ужесточения оценок результатов переселения, так если в начале о многих проблемах он говорил как о негативных тенденциях, которые необходимо учитывать для улучшения результатов колонизации края [7, с.289-292], то позже считал, что можно говорить о «полном внутреннем бессилии русской колонизации Уссурийского края» [8, с.235]. Авторы труда «Приамурье: факты, цифры, наблюдения» [13, с.669, 685, 693-695, 722], участники Амурской экспедиции в своих исследованиях отме-

чали как положительные, так и отрицательные стороны реализации переселенческой политики государства.

Таким образом, в дореволюционной литературе мы наблюдаем плюрализм мнений исследователей в оценке результатов переселенческой политики государства.

Литература

1. Афанасьев Д. Амурский край и его значение. СПб.: Типография Морского Министерства, 1863.
2. Веселовская Е.Д. Амурский край и наши переселенцы. М.: 1909. 45 с.
3. Волгин Ф. Амур. Природа и люди Амурского края. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1896. 147 с.
4. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1895. 172 с.
5. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб.: Типо-литография С.М. Николаева, 1894. 647 с.
6. Иваницкий Б. Сводглавнейших положений Товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого, высочайше командированного в 1908 г. по переселенческому делу на Дальний Восток. Б\м., б\г.
7. Кауфман А.А. Материалы по вопросу колонизационной вместимости Приамурского края: Отчет члена Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке в Приамурский край летом 1901 года. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. III, 298 с.
8. Кауфман А.А. Переселение и его роль в аграрной программе // Община. Переселение. Статистика. Сб. статей. М.: Леман и Плетнев, 1915. 510 с.
9. Комаров В.Л. Условия дальнейшей колонизации Амурской области // Известия императорского русского географического общества. Т. XXXII. Вып. VI. СПб.: 1896. С. 457-509.
10. Коржинский С.И. Отчет об исследовании Амурской области как земледельческой колонии. Отчет об исследовании Амурской области как земледельческой колонии Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1892. 66 с.
11. Крюков Н.А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области. СПб.: б.и., 1893.
12. Поземельное устройство Амурского края. Хабаровск: Хабаровск тип. Штаба Приамурского воен. ок., 1885. 40 с.
13. Приамурье: факты, цифры, наблюдения. М.: Городская типография, Тверская, Козицкий, 5, 1909. 960 с.

14. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1899. 219 с.
15. Тарновский А. Обзор переселенческого дела в Амурской области за время 1896/97 года. Благовещенск: Типог. Канцелярии Военного Губернатора Ам. обл., 1897. 8 с.
16. Унтербергер Г.Ф. Приморская область. СПб.: б.и.,1900. 324 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ARCGIS 9.3 ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ, ПРИМОРСКИЙ КРАЙ)

Базаров К.Ю.

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток
kbazarov@mail.ru*

В работе представлена методика применения программы ArcGis 9.3 в исторических исследованиях на территории Приморского края для периодов неолитизации и модернизации.

ArcGis 9.3 представляет собой мощное средство для создания, управления, отображения и анализа пространственных данных. Структура системы модульная. ArcGis 9.3 состоит из трех базовых приложений:

- ArcMap – отображение, редактирование и анализ данных, создание карт;
- ArcCatalog – доступ к данным и управление ими;
- ArcToolbox (среда геообработки) – инструменты пространственного анализа, управления проекциями и конвертации данных [1].

В качестве опорных данных использовался набор электронных тематических слоев в ГИС-формате – рельеф, гидрография, населенные пункты, дорожная сеть и т.д.

Для периода неолитизации методика состоит из следующих этапов:

1. привязка к современной карте палеогеографических данных (карт-схем палеорельефа, составленных Ю.А. Микишиным) и их векторизация – перевод в ГИС-формат;
2. нанесение по данным GPS и полевым записям местоположений разновременных исторических памятников;
3. создание на основе данных СРТМ цифровой модели рельефа (ЦМР);
4. наложение на ЦМР космоснимка высокого разрешения и привязка к ней данных полученных ранее;
5. составление карт для разных временных периодов и 3D планов местности для настоящего времени;

Для периода модернизации методика следующая:

1. оцифровка различных исторических карт – сканирование или фотографирование;

2. привязка к современной карте – в качестве опорных (привязочных) объектов использовались объекты тематических слоев «Населенные пункты», «Дороги», «Гидрография» и т.д.;

3. векторизация данных с карты – составление электронных тематических слоев (точечных, линейных, полигональных) «поселения», «дороги», «медицинские пункты», «земельные наделы» и т.д., заполнение их атрибутивной (табличной) информацией – названия, год образования, среднегодовые температуры, основатели (выходцы из какой губернии, волости) и т.д.;

Часто возникали случаи, когда ни один из объектов в используемых слоях не совпадал с привязываемым объектом карты, например, поселение, отмеченное на нескольких исторических картах, но не существующее в настоящее время (отсутствующее в слое «Населенные пункты»), и при привязке данных карт получалось несколько точек расположения, тогда для конечного варианта ставилась точка, находящаяся в геометрическом центре «облака» точек.

4. составление, на основе полученных тематических слоев, новых карт различного содержания – «объединение» разных исторических карт в одну.

В результате проделанных работ получены как одиночные карты различной тематики (местоположения исторических памятников, карта среднегодовых температур), так и временные серии (освоение Приморья русскими поселенцами). Так же была создана 3D модель местности с расположением разновременных исторических памятников в бух. Экспедиция и бух. Бойсмана.

ArcGis ArcEditor предоставляет широкие возможности для обработки, компиляции и анализа пространственных и статистических исторических данных и предоставления результатов в виде карт, схем и таблиц [2].

Литература

1. Представляем ArcGis Desktop. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internetgeo.info/uploads/journals/geoprofile0108/arcgis.pdf>. Дата обращения: 12.09.2012.
2. ArcGis 9. Что такое ArcGis? //Copyright © 2001–2004 ESRI. All rights reserved. Russian Translation by DATA+, Ltd. С. 42-54

ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.В. Крутоус

Школа педагогики ДВФУ, Уссурийск

Krutous-igor@mail.ru

Первая мировая война стала одним из важнейших событий в истории России. Влияние военного времени ошутило все население Российской Империи, в том числе и жители Приморской области. Немецкое нашествие на Польшу, Литву и Прибалтийский край заставило потоком хлынуть беженцев с родных мест на Восток [2, с.1]. Люди, бежавшие от разрухи и голода, несомненно, напоминали жителям Приморской области об ужасах войны. Вопрос об устройстве беженцев на новом месте жительства, об отношении к ним местной власти малоизучен.

Точных данных об общем числе беженцев, переселившихся в Приморскую область во время Первой мировой войны нет. Первые беженцы попадают в Приморье осенью 1915 года [3]. К появлению беженцев в Приморской области в основном готовы не были, и первое время содержание их осуществлялось за счёт добровольных пожертвований и заимствований из других сфер местного бюджета. Конкретные органы помощи беженцам появлялись в каждом районе только после появления в районе самих беженцев, заранее никто к этому не готовился.

Исключением был Владивосток, в котором уже 28 сентября 1915 года при Владивостокском комитете помощи беженцам начала работать хозяйственно-продовольственная секция, отвечающая за снабжение беженцев, а первые беженцы прибыли только в октябре [3].

Иначе дело обстояло в Иманском районе, где денег на содержание беженцев выделено не было, и заведующим местным переселенческим пунктом, при содействии благотворительных учреждений были собраны пожертвования, которые пошли главным образом на покупку одежды и белья детям. Первые партии беженцев прибыли на Иман 2 октября 1915 года, в числе около 100 душ. Первый приют беженцы нашли на Иманском Переселенческом пункте. Со стороны переселенческого управления были предоставлены помещения (барак), отопление и освещение. Затем, когда попечение о беженцах при-

нял на себя немедленно организованный комитет помощи беженцам, часть беженцев переселилась к своим родственникам, в села Любитовку, Малиновку, Ракитное (Ракиткинской волости) и Гончаровку (Ново-Покровской волости), часть переехала на частные квартиры, а часть осталась жить в бараках переселенческого пункта [2, с.2]. При этом от зачисления и водворения на участках беженцы категорически отказывались, вероятно, надеясь вернуться в родные края в ближайшем будущем.

В конце февраля 1916 года, ввиду неурожая в районе Иманской и Вакской долин, проживающие у родственников беженцы были вынуждены переселиться в общежития. И если до декабря 1915 года часть беженцев существовали за личный счёт либо на иждивении у родственников, то в наступившую зиму из-за продовольственного кризиса им пришлось перейти на содержание комитета помощи беженцам. На переселенческих пунктах были организованы оплачиваемые поденно работы на мельницах и железных дорогах. Кроме того, с целью трудоустройства по всем государственным и частным предприятиям, заводам, учреждениям рассылались письма с предложением мужского и женского труда. Но из-за плохой работоспособности, мотивации и подготовки беженцев их труд оплачивался несколько ниже коренных работников. Многие же беженцы вовсе оказались неспособны к тяжелому физическому труду [2, с.6].

Как только возник постоянный поток беженцев на Иман, немедленно было установлено дежурство фельдшерского персонала Иманской больницы на станции и в переселенческих бараках. При Иманском пункте была открыта школа для детей беженцев, в которую приглашена для занятий, безвозмездно учительница из министерской школы, а также классы рукоделия для девочек [2, с.5].

Трудное экономическое положение привело к тому, что согласно указаниям высших краевых властей расход на довольствие беженцев был снижен и стал не превышать двадцати копеек в день. В пределах этой суммы взрослые получали 1 раз в день горячую пищу - суп или щи, в обыкновенные дни с полфунта мяса, а в постные с рыбой, 2 фунта хлеба, 2 куска сахара. Дети до 5 лет получали бутылку молока [2, с.5].

Кроме казенного довольствия беженцам была оказана помощь одеждой и обувью на благотворительные средства – размером до 130 рублей, т.е. по 4-5 рубля на семью, проживающую в общежитии

[2, с.2]. Помощь беженцам оказал и командующий войсками, предоставив в распоряжение переселенческого управления казарму в местном гарнизоне и новую походную кухню. От таможенного управления каждому беженцу была выдана телогрейка [2, с.3].

Сложно точно сказать о губерниях выхода всех беженцев вынужденных переселиться в Приморье. Точно можно назвать губернии выхода только относительно беженцев, расселившихся в Иманском районе, - это Волынская, Холмская, Минская, Гродненская и Седлецкая губернии [2, с.2].

Во Владивостоке ввиду того, что первое время беженцев прибывало незначительное число, продовольственная помощь оказывалась деньгами, причём пособие на продовольствие выдавалось как положено, на одного взрослого человека по 40 копеек, а детям до 7-летнего возраста по 25 копеек в день. Выдачу продовольствия натурой хозяйственно-продовольственная секция начала лишь с 21 октября 1915 года, до того же времени беженцы по ходатайству членов секции, получали обеды от крепостной военно-телеграфной роты за счёт секции, и кроме того, секция выдавала денежные пособия [3, с.1].

Первая крупная партия беженцев во Владивостоке была помещена в казарме 12 на Гнилом углу, и хозяйственно-продовольственная секция сразу приступила к оборудованию там питательного пункта, наименовав его «общежитием для беженцев». 21 октября 1915 года начала функционировать кухня при общежитии для беженцев. За всё время существования, то есть, с 21 октября 1915 года по 3 февраля 1916 года секция снабжала беженцев хозяйственным способом, закупая необходимые для кухни общежития продукты через членов секции [3, с.1-2].

Размещение и снабжение беженцев быстро становится одним из важнейших вопросов для всех районов Приморской области. В местной прессе появляются статьи о трудности положения беженцев [4], [5].

Так, например, Раздольное волостное земское собрание 27 ноября 1916 года наравне с другими вопросами обсуждало вопрос о беженцах. В ходе обсуждения приняты решения об избрании комитета о беженцах, и заимствовании денег из доходов от продажи русских билетов китайским и корейским подданным на снабжение беженцев [4].

Таким образом, беженцы тяготились жизнью в Приморье, непривычен им был холодный климат и тяжела бездельная жизнь в об-

щежитиях. Многие их беженцев посылали ходатайства о разрешении выехать хотя бы в Западную Сибирь, но категорическое запрещение обратного движения не давало им возможности выехать за пределы Приморской области [2, с.7].

Так как после 1916 года упоминания о беженцах в официальных документах и местной прессе больше не встречаются, можно сделать вывод, что к 1917 году проблемы с расселением и снабжением беженцев, по-видимому, были решены, либо просто отошли на второй план.

Научный руководитель: к.и.н., доцент Лихарева О.А.

Литература

1. ГАПК Ф.1 Оп.1 Ед. хр.58. Петроград. Особое совещание по устройству беженцев.
2. ГАПК Ф.1 Оп.1 Ед.хр.58. Беженцы в Иманском районе (краткий очерк).
3. ГАПК Ф.1 Оп.1 Ед.хр.58. Краткий отчёт о деятельности Хозяйственно-продовольственной секции Владивостокского комитета помощи беженцам с 28 октября 1915 года, по 2 февраля 1916 года.
4. Народное Слово. № 8 29 декабря 1916 года.
5. Голос Приморья. № 28 19(02) сентября 1917 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ И СОЧЕТАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

И.В. Калинина

*Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан
gaevaiv@yandex.ru*

История хозяйственного освоения и заселения Еврейской автономной области (ЕАО) насчитывает более 150 лет. По основным событиям, происходящим в стране и в области, воздействию факторов, основным видам занятости и деятельности населения и форме расселения было выделено семь этапов хозяйственного освоения и заселения. Каждому этапу соответствует разный набор факторов и их значимость (см. табл.).

На начальных этапах важную роль играли геополитический (закрепление территории за Россией), транспортный (наличие путей сообщения, и строительство новых), территориальный (выбор местоположения и планировки населенных пунктов) и природно-ресурсный факторы (наличие водных, древесных, охотничьих, рыболовных и т.п. ресурсов). В момент возникновения идеи создания «еврейской» области влияли геополитический (переселение евреев подальше от центра страны), территориальный (выбор местоположения для населенных пунктов), демографический (миграции трудоспособного населения, закрепление их на данной территории, естественный прирост населения) факторы, а также фактор географического положения (вдоль Амура, на богатых ресурсами землях). В послевоенное время значимые роли играли геополитический (сохранение государственных рубежей) и транспортный факторы (индустриализация стала возможна после создания основных транспортных путей и изменения ЭГП района). При освоении и заселении территории области в середине XX в. главенствовали геополитический (барьерная роль во время осложнения ситуации с Китаем), хозяйственный (диверсификация хозяйственной деятельности стала возможна после разведывания разнообразных полезных ископаемых) и демографический (миграции населения и расширенный тип воспроизводства определял рост чис-

Этапы и факторы хозяйственного освоения и заселения ЕАО

№	Год	Основные события	Ведущие факторы (в порядке значимости)	Основные сферы занятости населения	Расселение
I	1858–1907	Айгунский договор. Начало русской колонизации. Русско-японская война.	Геополитический , территориальный, природно-ресурсный	Охота, рыболовство, золотодобыча, заготовка древесины.	Формирование первых российских населенных пунктов вдоль гос. границы.
II	1908–1925	Строительство Транссиба. Начало крестьянского заселения. I-я мировая и Гражданская войны.	Транспортный , геополитический, демографический, природно-ресурсный.	Строительство и обслуживание железной дороги, добыча и обработка полезных ископаемых, заготовка и обработка древесины, сельское хозяйство.	Казачье и крестьянское заселение; увеличение числа сельских населенных пунктов.
III	1926–1940	Полевые изыскания для размещения евреев. Официальное образование ЕАО. Коллективизация, индустриализация, строительство железных дорог.	Геополитический , экономико-географического положения, демографический, природно-ресурсный, территориальный.	Лесозаготовительная и лесоперерабатывающая, золотодобывающая, мебельная, пищевая промышленность, промышленность стройматериалов, транспорт, сельское хозяйство.	Формирование каркаса расселения; добровольное и принудительное переселение населения в область; максимальное количество населенных пунктов, образование рабочих поселков

ленности всего населения и сельского, в частности) факторы. В настоящее время данные факторы продолжают играть важные роли [1].

Помимо изменений совокупностей факторов, изменяется и значимость каждого в сочетаниях. Несмотря на то, что в пятом и седьмом этапах выделяются одинаковые факторы, на пятом этапе большее влияние оказывал хозяйственный фактор, влияющий на развитие промышленности на территории области, а в седьмом – демографический (депопуляция).

Таким образом, за 150-летнее хозяйственное освоение территории ЕАО было выделено семь этапов заселения и освоения. Каждый этап развития характеризовался влиянием определенного сочетания факторов, которые оказывали воздействие на все сферы жизни населения, что впо-

№	Год	Основные события	Ведущие факторы (в порядке значимости)	Основные сферы занятости населения	Расселение
IV	1941–1950	Великая отечественная война. Восстановление народного хозяйства. Строительство автомобильных дорог республиканского значения. Закрытие приисков.	Геополитический, транспортный, демографический.	Золотодобывающая, лесозаготовительная и лесоперерабатывающая, мебельная, пищевая промышленность, сельское хозяйство, промышленность стройматериалов, транспорт.	Сокращение приисков, хуторов, выселок, мелких станций, полустанков.
V	1951–1970	Формирование основы современной территориальной и отраслевой структуры хозяйства. Аграрные реформы. Вооруженный конфликт на о-ве Даманском.	Геополитический, хозяйственный, демографический.	Лесозаготовительная промышленность, машиностроение, сельское хозяйство, промышленность стройматериалов, легкая и пищевая, мебельная промышленность, транспорт, сфера услуг.	Сокращение «неперспективных» сельских населенных пунктов, миграции населения в направлении село – город.
VI	1971–1990	Начало IX пятилетки. Реализация программ по созданию собственной продовольственной базы региона.	Геополитический, демографический, природно-ресурсный.	Сельское хозяйство, промышленность стройматериалов, машиностроение, лесопромышленный комплекс (ЛПК), легкая, пищевая промышленность, транспорт, сфера услуг.	Сокращение населенных пунктов при мелких станциях и полустанках; миграции населения в направлении село – город.

ледствии приводило к изменению функций сельских населенных пунктов. Ведущее значение на всем протяжении развития области имели: геополитический, географического положения, транспортный, экономический (хозяйственный), демографический, природно-ресурсный факторы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 13-12-79001 а(р).

Литература

1. Гаева И.В. Трансформация функций сельских населенных пунктов Еврейской автономной области: дис. ... канд. геогр. наук / Рос. акад. наук. Ин-т географии. М. 2011. 155 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ СИСТЕМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

О.А. Андропова

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
andronova_oa@mail.ru*

Переход российских регионов на путь устойчивого развития способствует достижению главной цели – повышению уровня и качества жизни людей, сохранению и улучшению среды жизнеобитания. К настоящему времени в зарубежной и российской научной литературе утвердилось понимание того, что устойчивое развитие региона – это его стабильное развитие в течение длительного времени в экономической, социальной и экологической сферах [1]. Устойчивое социально-экономическое развитие регионов обеспечивает территориальная структура, основой которой является опорный каркас расселения. Города являются центрами регионов и выполняют административные, политические, хозяйственные и другие функции. Совокупность городских систем Дальнего Востока России формирует здесь своеобразный «портфель экономических центров», который остается стабильным в достаточно долгий период времени [2]. Города связаны друг с другом посредством общей инфраструктуры, позволяющей совместно решать общегосударственные и региональные задачи, выполнять свои основные и дополнительные функции.

Эволюция систем городов ведет к деконцентрации населения и его перераспределению. Происходит постоянный процесс перемещения населения из крупных городов в средние и малые, а также преобразование сельских населенных пунктов в городские, малых городов – в средние. История интенсивного хозяйственного освоения Дальнего Востока России начинается с середины XIX в. Период развития городских систем можно разделить условно на несколько исторических этапов: I – с момента возникновения до 1922 г., II – с 1923 по 1939 гг., III – с 1940 по 1959 гг., IV – с 1960 по 1992 гг., V – с 1993 по 2010 гг. При вы-

делении этапов исторического развития городских систем учитывались темпы социально-экономического развития городов, а также миграционные процессы, связанные с реализацией крупных государственных программ по освоению Дальнего Востока. В таблице 1 представлена динамика развития городских систем.

Таблица 1

Динамика развития городских систем Дальнего Востока России [3]

Годы	1922		1939		1992		2010	
	Кол-во городов	Численность населения						
Крупнейшие (>500 тыс. чел.)	0	0	0	0	2	1262,6	2	1058,9
Большие и крупные (>100 тыс. чел.)	0	0	2	405,6	8	1673,7	8	1433,9
Средние (50-100 тыс. чел.)	2	155,0	4	253,8	12	761,1	7	419,9
Малые (<50 тыс. чел.)	43	260,5	53	599,2	47	1025,9	49	970,2

На Дальнем Востоке выделяются два крупных города – Владивосток и Хабаровск. Именно они относятся к крупнейшим городам с численностью населения более 500 тыс. чел. Владивосток относился к группе малых городов России вплоть до 1925 г. Стабильное развитие функциональной специализации позволило городу перейти в группу больших и крупных городов, миновав средние. Хабаровск находился в группе малых городов до 1930-х годов. Толчком к увеличению численности населения послужило подключение города к государственным программам освоения восточных регионов страны. Город стал выполнять транспортно-транзитную функцию по освоению природных ресурсов Амурского региона и Северо-востока страны. Социально-экономические реформы 1990-х гг. негативно сказались на реализации Программы развития Дальнего Востока, снизилось финансирование социальной сферы субъектов. В настоящее время федеральные власти вкладывают значительные средства в развитие

инфраструктуры Дальнего Востока, создают условия для благоприятного инвестиционного климата в регионе. Однако, Владивосток и Хабаровск все также нуждаются в квалифицированной рабочей силе.

Группа городов с численностью населения более 100 тыс. чел. – Якутск, Благовещенск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск, Находка и другие помимо административных функций, обладают значительным экономическим, демографическим и научно-производственным потенциалом. Эта группа городов имеет свои преимущества в «конкурентной борьбе за население» региона с крупным городом. Они располагают схожим набором селитебных преимуществ, более низкой стоимостью жилья для переселенцев и т.д.

В группе малых и средних городов в конце 1990-х и начале 2000-х годов отмечалось существенное снижение численности населения, что и послужило одним из оснований для изменения их статуса и даже упразднения. Определенную роль в этом сыграла реформа местного самоуправления, в ходе которой происходило изменение состава и границ муниципальных образований. Например, в Сахалинской области статуса города лишились Чехов, Красногорск и Горнозаводск. Главная причина убыли населения в моногородах – свертывание производства из-за низкого спроса на продукции и высокая безработица. Особенно сильно эти процессы затронули сверхмалые города с численностью населения до 10 тыс. человек. При этом количество малых городов может даже несколько возрасти за счет перехода более крупных городов в категорию малых.

Для Дальнего Востока России характерны особые сочетания городских систем и экономических центров, ведущими градообразующими факторами, развития которых выступают выгодное экономико-географическое положение поселения, динамика геополитических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В тоже время, анализ тенденций за прошедший период показывает, что городские системы Дальнего Востока России находятся в общем русле демографических изменений, происходящих в России. Формируются крупные агломерации. На Дальнем Востоке такие процессы заметны на юге Приморского края, где уже сейчас просматриваются контуры Владивостокской агломерации, включающей разные по размеру поселения (Владивосток, Артем, Уссурийск, Находку, Большой Камень и др.). Важно учитывать динамику городских систем при разработке перспективных программ социально-экономического развития региона.

Научный руководитель: в.н.с. ТИГ ДВО РАН, д.г.н. Мошков А.В.

Литература

1. Бакланов П.Я. Дальневосточные регионы России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
2. Новый взгляд на экономическую географию// Доклад о мировом развитии. М.: Изд-во «Весь Мир». Издано для Всемирного банка, 2009. 384 с.
3. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. М.: Росстат, 2008. 375 с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА ОТ ПОТЕРЬ ЗДОРОВЬЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

А.Б. Суховеева

*Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
Биробиджан
anna-sukhoveeva@yandex.ru*

Население страны представляет собой самый важный ее ресурс, является основой экономического роста. Для современной России и ее регионов, характерно сокращение численности населения вследствие низкого качества здоровья, падения рождаемости и резко-го увеличения смертности. Ухудшение состояния здоровья населения в Дальневосточном федеральном округе (ДФФО) приводит не только к демографическим потерям, но и к экономическому ущербу, имеющему большие региональные различия. С этой точки зрения проблема региональных диспропорций экономической оценки капитала здоровья как составляющей человеческого капитала требует всестороннего исследования для понимания масштаба потерь, которые несет экономика регионов в связи с ухудшением медико-демографической ситуации.

Проблема определения материального ущерба, который наносится экономике в результате смертности населения, тесно связана с задачей оценки стоимости среднестатистической жизни человека. Основой оценки расчета стоимости среднестатистической жизни и экономического ущерба послужила методика Д.И. Шмакова с некоторыми изменениями и дополнениями [1]. В нашем исследовании расчеты стоимости среднестатистической жизни складывались из затрат самих граждан и затрат общества на поддержание жизнедеятельности человека в течение отдельных этапов его жизни (от рождения до смерти).

Учитывая региональные различия показателей среднемесячной заработной платы, среднемесячной пенсии, величины прожиточного минимума, расходов консолидированных бюджетов на здравоохранение и образование, а также показателя средней продолжительности жизни рассчитывалась стоимость среднестатистической жизни чело-

века по регионам ДВФО в 2010 г. Анализ полученных результатов оценок по регионам округа показал, что стоимость среднестатистической жизни человека тем выше, чем больше инвестиции в человеческий капитал (расходы на здравоохранение, образование), уровень заработной платы, пенсии и продолжительности жизни населения. Поэтому ее величина имеет наибольшие значения в регионах с высоким уровнем социально-экономического развития – это Магаданская, Сахалинская области, Чукотский АО, Республика Саха (Якутия), Камчатский край.

При расчете экономического ущерба в результате смертности населения регионов ДВФО нами учитывались не только «явные» экономические потери, к которым она приводит (упущенная выгода в недопроизводстве ВРП, в результате выбытия работников из производственного процесса, ритуальное пособие и другие выплаты семьям), но и стоимость потерянного одного года (потерянных лет) статистической жизни человека.

Поскольку у нас нет данных о распределении умерших по возрасту, невозможно рассчитать величины ВРП, который они могли бы произвести до выхода на пенсию и стоимость всех потерянных лет в результате их смерти. Поэтому при определении ущерба от смертности учитывается непроеденный ВРП только за один год, а стоимость одного года среднестатистической жизни умножается на количество умерших.

В таблице представлены расчеты экономического ущерба в результате смертности населения по регионам ДВФО в 2010 г.

На основе полученных расчетов, выделены типы регионов ДВФО с дифференциацией по величине экономического ущерба от «среднего» до «очень высокого», наносимого экономике в результате смертности населения в 2010 г.

К типу со «средним» экономическим ущербом в результате смертности населения (1,7 % от ВРП региона) относится экономически развитый регион ДВФО Республика Саха (Якутия), для которого характерны относительно высокое значение ВРП на душу населения, чем в среднем по ДВФО, и ниже среднеокружного значение коэффициента смертности населения (9,8 на 1000 населения).

Большинство субъектов округа (Чукотский авт. окр., Магаданская и Сахалинская области, Хабаровский, Приморский и Камчатский край) относятся к типу с «высоким» экономическим ущербом в ре-

**Экономический ущерб в результате смертности населения
по регионам Дальневосточного федерального округа в 2010 г., млн. руб.**

Субъект	Экономический ущерб, млн. руб.	Экономический ущерб, % от ВРП 2009 г. региона
Республика Саха (Якутия)	5691,0	1,7
Камчатский край	2522,0	2,5
Приморский край	10612,0	2,8
Хабаровский край	7878,0	2,8
Амурская область	5530,0	3,6
Магаданская область	1303,0	2,7
Сахалинская область	8214,0	2,0
Еврейская автономная область	795,0	3,1
Чукотский автономный округ	942,0	2,0
Дальний Восток	42737,1	2,4
Российская Федерация	798515,4	2,5

ультате смертности населения (2,0-2,9 % от ВРП региона), характеризующиеся средними по округу показателями коэффициента смертности и ВРП на душу населения.

К типу с «очень высоким» экономическим ущербом относятся Амурская (3,6 % от ВРП) и Еврейская автономная (3,1 % от ВРП) области, с низкими значениями ВРП на душу населения и высокими значениями коэффициента смертности.

В целом по ДВФО суммарный ущерб от смертности населения всех возрастов составил 42,7 млрд. руб. или 2,4 % от ВРП округа (по РФ в 2010 г. составил 798 млрд. руб. или 2,5 % ВВП страны).

Приведенные оценки показывают, что смертность населения в ДВФО и его регионах, связана с очень существенными экономическими потерями, игнорировать которые в современных условиях, учитывая низкий уровень здоровья, высокую смертность в трудоспособном возрасте и сокращения населения невозможно.

Литература

1. Шмаков Д.И. Оценка экономического ущерба от потерь здоровья населения России и ее регионах. Автореф....дисс. канд. экон. наук. М. 2004. 24 с.

СОВРЕМЕННЫЕ КРУПНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ПРИМЕР БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

И.А. Дец

*Институт географии им. В.Б.Сочавы СО РАН, Иркутск
igordets@ya.ru*

В последние годы повышенное внимание уделяется развитию отдаленных от столицы регионов, в первую очередь Дальнего Востока и Байкальского региона. Произошло значительное увеличение финансирования в рамках Федеральной Целевой Программы (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», включившей проведение форума АТЭС во Владивостоке, готовится новая госпрограмма по развитию региона до 2025 г. В 2011 г. Внешэкономбанком был создан Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, а в Правительстве появилось целое Министерство по развитию Дальнего Востока. Не отказывается федеральная власть и от возможности создания Госкорпорации развития Дальнего Востока, если эффективность уже существующих учреждений не окажется достаточной [2]. Основной целью государственных мероприятий, закрепленной в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», является остановка миграционного оттока с территории, и даже обеспечение миграционного притока с 2026 г.

Именно желание решить одновременно две такие важные проблемы, как ослабление экономического роста и отставание в экономическом развитии огромного региона, приводящее к его обезлюдиванию, подталкивает власти к реализации крупнейших инвестиционных проектов на территории Дальнего Востока и Байкальского региона.

Была рассмотрена реализация крупных инвестиционных проектов, размер вложений в которые является значимым для экономики региона. В соответствии с критериями государственных фондов и организаций, в частности Инвестиционного Фонда РФ, под крупными инвестиционными проектами понимались проекты, инвестиции в которые составляют более 5 млрд. руб. Под данные критерии подходит ограниченное количество проектов, основные характеристики которых представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Основные характеристики крупных инвестиционных проектов
Байкальского региона**

Название проекта (территория реализации)	Число создаваемых рабочих мест	Инвестиции к 2012 г., млрд. руб.	В т. ч. при участии государ- ства, %
Автодорога «Амур» (Забайкальский край)	-	26	96
5-я серия ИркаЗа (Иркутская область)	620	22	0
Нефтепровод ВСТО и разработка месторождений (Иркутская область)	3 000	170	47
ЦБК в Братске (Иркутская область)	250	22,8	0
Усолье-Сибирский поликремний (Иркутская область)	1 000	10	45
ТаАЗ (Иркутская область)	3 000	20,5	22
Озёрный ГОК (Республика Бурятия)	1 400	6	0
«Байкальская гавань» ОЭЗ (Республика Бурятия)	1 630	3,3	100
«Ворота Байкала» ОЭЗ (Иркутская область)	3 200	0,1	100
Быстринский и Бугдаинский ГОКи (Забайкальский край)	13 000	24	67
Всего по Байкальскому региону	31 100	304,7	44

Часть рассмотренных проектов находится в стадии реализации и сможет влиять на экономику своих регионов только в будущем. Польза от некоторых других проектов (в первую очередь, инфраструктурных, например, автодороги «Амур» или ж/д линии Нарын – Газимурский Завод) во многом очевидна, но все же нуждается в большем временном отрезке для полной и объективной оценки. Но среди представленных есть и проекты, реализация которых имеет вполне конкретный финансовый результат. Самый наглядный пример – нефтепровод ВСТО, строительство которого привело к стремительному развитию нефтедобывающей отрасли в Иркутской области. Так, выплаты по налогу на прибыль организаций в консолидированный бюджет Иркутской области только у одной компании «ВЧНГ» (раз-

рабатывает Верхнечонское месторождение) выросли с 500 млн. руб. в 2010 г. до 5 млрд.руб. – в 2011 г. и 6,6 млрд. руб. – в 2012 г. [1]. Впечатляющие результаты нефтяной отрасли привели к тому, что размер поступлений налога на прибыль в бюджет области превысил поступления от НДС, в течение долгого времени остававшегося главным источником доходов.

Однако помимо прямого влияния важно мультипликативное воздействие инвестиционных проектов на территорию, подтверждающее их статус полюсов развития в регионе. Для выполнения своей задачи по территориальному развитию инвестиционный проект должен оказывать определенное влияние на окружающую социально-экономическую среду, т.е. кроме финансового, генерировать социально-демографический и инфраструктурный эффекты. В рамках первого вида влияния реализация инвестиционного проекта приносит не только дополнительные рабочие места, но и обустройство среды обитания для занятых на новом производстве, что стимулирует привлечение или сохранение населения на данной территории, в том числе изменение системы расселения. В рамках второго вида на территории формируется или совершенствуется инфраструктура, которая используется в основном производстве, но также способствует развитию других видов экономической деятельности и может выполнять социальные функции, улучшая качество жизни местного социума. Если инфраструктура в целом отражает материальный эффект финансового влияния, то миграция населения, может служить конечным индикатором уровня локализации такого эффекта. И именно продолжающийся на территориях реализации проектов миграционный отток не позволяет говорить об эффективности инвестиций для задач территориального развития региона.

В целом обзор реализации данных проектов в Байкальском регионе показывает, что влияние проектов нового строительства на развитие районов их базирования отличается по глубине и интенсивности от советских проектов комплексного освоения, предусматривавших планирование и реализацию всех сопутствующих элементов на территории, связанных с функционированием комплексов. В современных проектах эти вопросы остаются второстепенными, а для их решения не предусматривается системных мер. В результате, реализация проектов способствует, в первую очередь, развитию различных отраслей специализации экономики, а на территориальное развитие оказывает

преимущественно локальный эффект. Для улучшения качества жизни, разница в котором в современном мире является основной причиной миграции населения, необходимо, в том числе, формировать точки роста местной экономики. Для этого государственное участие в проектах частно-государственного партнерства должно сместить свой акцент с позиции поддержки развития бизнес-проектов крупных корпораций на поддержку развития самой территории реализации проекта, стать опорой для появления точек самостоятельного экономического роста на территории. То есть частно-государственное партнерство при реализации таких проектов должно носить территориальный, а не отраслевой характер.

Литература

1. Комарова В. Полностью выполнили свои обязательства // Конкурент. № 26637.13.12.2012.
2. Сапожков О. Дальнему Востоку готовят автономию. Минэкономики реанимирует госкомпанию по его развитию // Коммерсантъ (Хабаровск). №25 (5054). 12.02.2013.

РАЗВИТИЕ ПРИРОДНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА КАК ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕКРЕАЦИИ В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ

В.Э. Дулатова

*Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского,
Владивосток
vik.dulatova@mail.ru*

Для Приморья особое значение имеют все формы природно-ориентированного туризма, вследствие уникального хорошо изученного природно-рекреационного потенциала [1, 2, 3, 4]. К природно-ориентированному туризму можно отнести любые виды туризма, которые непосредственно зависят от использования природных ресурсов в их относительно неизменном состоянии, включая ландшафты, рельеф, воды, растительность и диких животных.

Природно-ориентированный туризм является устойчивой формой развития рекреации во всем мире, так как отрицательные последствия, имеющие социально-культурный и экологический характер сводятся к минимуму. Также развитие природно-ориентированных форм туризма позволяет привлечь денежные средства на охрану окружающей среды региона, а также на поддержку местных жителей [3, 4, 5].

По результатам наших исследований [3] природно-ориентированный туризм в Южном Приморье представлен следующими видами:

1. Научно-познавательный туризм представлен полевыми практиками студентов, экскурсиями, в том числе детскими в охраняемых природных территориях (ОПТ). Хорошим основанием для его развития служит то, что в природном туристском отношении Приморский край, отличается большим видовым многообразием флоры и фауны, уникальностью природных достопримечательностей (214 утвержденных памятников природы) [1]. Здесь различают:

- организуемые маршруты научно-познавательного туризма осуществляются в дендрарии горно-таежной станции им. В.Л. Комарова, в ботаническом саду-институте ДВО РАН, на о. Попова на базе музея «Природа моря и ее охрана» Дальневосточного морского биосферного заповедника (ДВМБЗ). Специалисты заповедника предлагают экскур-

сии по природным тропам, по островному ботаническому саду «Ликандер», по археолого-этнографическому комплексу «Наследие»;

- специализированные маршруты. Турфирма «Фори-тур» предлагает популярный во всем мире бердведчинг (наблюдения за птицами в естественной среде обитания) «Чернохвостая чайка», а также наблюдение за тюленями Ларга, в Хасанском районе в буферной зоне ДВМБЗ. «Амуру-Уссурийский центр биоразнообразия птиц» и лаборатория орнитологии БПИ ДВО РАН при содействии Департамента природопользования администрации Приморского края, в префектуре Тояма – проводят исследования с привлечением любителей и специалистов-орнитологов.

2. Спортивный туризм. В Приморском крае развитию данного направления способствуют региональные и государственные программы. Государственная программа «Развитие физической культуры и спорта Приморского края на 2013-2017 годы». Реализация данной программы нацелено на привлечение туристов к занятиям физической культурой и спортом для укрепления здоровья. Региональная программа «Развитие парашютного спорта в Приморском крае на 2011-2014 годы» будет способствовать вовлечению молодежи в парашютный спорт, пропаганде здорового образа жизни [7].

3. Этнический туризм представлен на юго-востоке края Дальневосточным международным этнографическим парком «Диалог Народов «Возрождение»», на севере национальный парк «Удэгейская легенда». В Южном Приморье ярким примером служит этнический музей под открытым небом «Палеодеревня» предлагая цикл экскурсионных программ «Национальные игры коренных народов», «Удэгейские дни», «Масленица», «Древняя крепость чжурчжэней» [6]. «Программа развития въездного и внутреннего туризма в Приморском крае 2011-2016 годы» предусматривает проведение праздников на основе этнических и православной культур народов, населяющих Приморский край [5].

4. Экологический туризм, важнейшими крупными объектами которого являются ООПТ [5]. Яркими примерами организации данного направления служит: проект экологического парка «Тропа леопарда» как объекта экотуризма в Приморском крае. На сегодняшний день туристские фирмы предлагают более 100 многообразных маршрутов с элементами экологического образования и просвещения.

5. Лечебно-оздоровительный. В пригороде Владивостока, в поселке Шмаковка и Хасанском районе действуют санаторно-курортны-

еучреждения, которые используют существующие в крае бальнеологические (минеральные воды и источники лечебных грязей) и благоприятные климатические ресурсы. Краевой программой развития внутреннего и въездного туризма предусматривается обустройство пляжей, очистка прилегающей морской акватории, помимо создания баз летнего отдыха [5].

Однако, располагая значительным рекреационным потенциалом, Приморский край в настоящее время имеет низкую привлекательность, как для российских, так и для иностранных туристов. Это, прежде всего, связано со слабо развитой туристской инфраструктурой в районах края, высокими ценами и низким качеством оказываемых услуг, недостатком доступной информации и рекламной продукции о достопримечательностях края на российском и международном рынках туристских услуг. В крае не хватает дешевого удобного жилья; низок уровень сервиса в немногочисленных гостиницах и пунктах питания; мало путеводителей и туристских карт, а также карт опасностей и системы безопасности [4].

Решение выше изложенных проблем позволит природно-ориентированному туризму в Южном Приморье стать стратегическим инструментом регионального устойчивого развития, призванным закрепить и развивать самобытность и привлекательность края для туристов всего мира и сохранять единое экономическое и культурное пространство России.

Научный руководитель: в.н.с. ТИГ ДВО РАН, д.б.н. Бочарников В.Н.

Литература

1. Атлас Приморского края. Владивосток: Дальпресс, 2-е издание. 2008. 48 с.
2. Бочарников В.Н. Бикин: опыт комплексной оценки природных условий, биоразнообразия и ресурсов. Владивосток: Дальнаука, 1997. 153с.
3. Дулатова В.Э. Перспективы использования рекреационных ресурсов прибрежно-морской зоны Южного Приморья // Материалы Одиннадцатой молодежной конференции с элементами научной школы «Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке». Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 52-54.
4. Косолапов А.Б., Лозовская С.А. Совершенствование системы сельского туризма гостеприимства в Приморском крае. // Экономика и менеджмент инновационных технологий. Декабрь, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2012/12/1449>. Дата обращения: 16.12.2012.

5. Краевая целевая программа “Развитие внутреннего и въездного туризма в Приморском крае” на 2011-2016 годы
6. Губернатор Приморья хочет развивать туризм края за счет крупного бизнеса – Юрий Авдеев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/economics/09.10.2012/232684/gubernator-primorya-hochet-razvivat-turizm-kрая-za-schet-krupnogo-biznesa-yuriy.html>.
Дата обращения: 10.10.2012.
7. Утверждена государственная программа развития физической культуры и спорта Приморья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.mail.ru/inregions/foreast/25/economics/11302980/>. Дата обращения: 15.12.2012.

РАЗВИТИЕ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В БАССЕЙНЕ РЕКИ АМУР

Е.Г. Егидарев

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток /
Амурский филиал Всемирного фонда природы (WWF -Россия)
egidarev@yandex.ru*

Планы гидростроительства в бассейне Амура разрабатывались в 50-ых годах, в период его активного освоения [1-6]. Но в силу разнородных обстоятельств, только малая часть запланированного, была реализована. Это, безусловно, способствовало сохранению глобально значимых пресноводных экосистем в естественном и близком к естественному состоянию. Амур – одна из последних крупнейших рек мира, сохранивших естественный гидрологический режим и экосистемные процессы.

Реки Амурского бассейна имеют четко выраженную неравномерность стока, который коррелирует с количеством осадков в регионе. Таким образом, катастрофические паводки в бассейне р. Амур, как правило, охватывают либо часть бассейна (отдельные притоки), либо весь бассейн. В период с 1900 г. по настоящее время, значительные паводки прошли 1914, 1915, 1917, 1923, 1928, 1929, 1933, 1938, 1943, 1945, 1948, 1953, 1956-1960, 1962, 1963, 1972, 1984 и 2007 гг. [7, 8]. Такие частые наводнения нарушают нормальную хозяйственную деятельность Приамурья и наносят значительный урон населению и сельскому хозяйству. Поэтому, с особым вниманием, рассматривались гидроузлы ГЭС, имеющие одним из своих главных назначений борьбу с катастрофическими наводнениями, защиту необходимой человеку среды, объектов народного хозяйства от разрушения и затопления [9]. Вырабатываемая гидроэлектроэнергия, была второй важной причиной возникновения крупных ГЭС на российских притоках Амура.

У китайской цивилизации есть 3000-летняя история активного управления реками. Берегоукрепления, плотины и каналы воспринимаются как части естественной человеческой среды [10]. В отличие от управления водными ресурсами на российском Дальнем Востоке, в Китае большинство преобразований речных систем вызвано целым комплексом причин: водообеспечение, рыбоводство, мелиорация, рекреация, навигация, наводнения. Для производства гидроэлект-

роэнергии китайская часть бассейна была комплексно исследована с 1930-ых гг., во время строительства первой большой ГЭС бассейна (плотина Фенмань, построена в 1940 г.). А в начале пятидесятых годов XX столетия КНР обратилась к СССР с просьбой об оказании помощи в ускорении развития северо-востока республики, так к этому времени испытывала острую нехватку в энергетических ресурсах. В результате чего была организована и проведена комплексная Российско-Китайская экспедиция, по результатам которой, была намечена перспективная программа развития производительных сил бассейна Амура, совместного использования его богатств [1]. В основе программы – комплексное использование водных ресурсов с целью зарегулирования стока, защиты земель и населенных пунктов от наводнений, получения электроэнергии, улучшения транспортных возможностей и др. Здесь же рассматривалась возможность строительства целого каскада гидроузлов на главном русле Амура: Амазарский, Джалиндинский, Кузнецовский, Сухотинский, Благовещенский и Хинганский. С 1962 г. отношения между нашими странами ухудшились и нормализовались лишь в 80-х гг. По этой причине не было построено совместных крупных ГЭС на основном русле Амура, которые, тем не менее, остались в планах и схемах, где Китай все еще рассчитывает на их реализацию. Основными задачами первых Схем [11] были борьба с наводнениями и гидроэнергетика, а также учет влияния зарегулирования стока на водный транспорт, рыбное и сельское хозяйство. Поэтому в Схемах предусматривалось создание в водохранилищах гидроузлов резервных емкостей, которые заполнялись бы во время наводнений. Также в проектных работах не уделялось достаточного внимания экологическим проблемам в регионе. На российской части бассейна в 1975 г. была построена Зейская ГЭС, а затем в 2007 – Бурейская. Главные причины строительства ГЭС на Дальнем Востоке – это борьба с наводнениями и энергетика. В данный момент обе причины для России, не актуальны, т.к. самые полноводные и опасные реки в этом отношении (Зeya, Бурей, Сунгари) уже зарегулированы, а избыток не востребованной гидроэнергии экспортируется в Китай. На китайской части Амурского бассейна, фактически у всех населенных пунктов есть водохранилище, типично маленькие, используемые для муниципального и сельскохозяйственного водоснабжения, а также для рыбоводства и отдыха. Крупные водохранилища созданы в горных территориях, и их основное использование – производство гидроэлектроэнергии и борьба с наводнениями.

Россия и Китай осваивали гидроэнергетические ресурсы в бассейне р. Амур параллельно и независимо друг от друга. При массивном гидростроительстве на реке, происходят необратимые преобразования природной среды, примером таких преобразований может послужить западная часть нашей страны. К похожим выводам приводят ряд исследователей [12-15]. Из вышесказанного следует, что экологические проблемы в регионе долго оставались в стороне и стали значимыми только в 80-е гг. Таким образом, большая часть створов была намечена в эпоху экономических и политических ценностей. На данном этапе научно-технического прогресса, необходимо более детальное изучение социально-экономических и экологических проблем при строительстве новых ГЭС.

Литература

1. Звонков В.В. Проблемы комплексного использования производительных сил в бассейне Амура // Вестник академии наук СССР. 1956. № 10. С. 22-25.
2. Стоценко А.В. Проблемы реки Амур и его основных притоков. Владивосток: Приморское книжное издательство. 1958. 64 с.
3. Клопов С.В. Гидротехнические ресурсы бассейна р.Амур. Благовещенск: Амурское книжное издательство. 1958. 45 с.
4. Гидроэнергетические ресурсы СССР. М. : Наука, 1967. 312 с.
5. Золотарев Т.Л. Гидроэнергетика. Ленинград: Государственное энергетическое изд-во, 1950. 196 с.
6. Проектирование схем комплексного использования водных ресурсов. М.: Из-во «Энергия», 1966. 333 с.
7. Коротаев Г.В. Река Амур и ее народнохозяйственное значение. М: Изд-во «Знание», 1958. Вып 2. №14. 32 с.
8. Отчет С-08-01 «Разработка проекта СКИОВО по бассейну реки Амур (Российская часть)». Владивосток: ДальНИИВХ, 2008. 370 с.
9. Клопов С.В. Борьба с паводками и использование гидроресурсов рек юга Дальнего Востока // Изучение и освоение рек Дальнего Востока. М.: Наука. 1969. С. 26-49.
10. Ma Jun China's Water Crisis. Translated by N.Y. Liu and L.R. Sullivan from "Zhongguo Shui Weiji" 1999 (in Chinese) // International Rivers Network, East Bridge, Connecticut, USA, 2004. 242 p.
11. Схема комплексного использования водных ресурсов пограничных участков рек Аргунь и Амур // Защита от наводнений. Книга 1 Пояснительная записка. Москва-Чанчун: 1993. Том 10. 67 с.
12. Доброумов Б.М, Устюжин Б.С. Преобразование водных ресурсов и режима рек центра ЕТС. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 222 с.
13. Добрышев В. Волга. То, что случилось, мало назвать драмой // Природа и человек. 1989. № 11. С. 12-14.

14. Найденко В.В. Великая Волга на рубеже тысячелетий. От экологического кризиса к устойчивому развитию. В 2т. Т. 1. Общ. характеристика бассейна р. Волга. Анализ причин эколог. кризиса. Н.Новгород: Изд-во «Промграфика», 2003. 432 с.
15. Эдельштейн К.К. Водохранилища России: экологические проблемы, пути их решения. М.: ГЕОС, 1998. 277 с.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА НА ТЕХНОГЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Е.В. Ивакина

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток
Evivak@tig.dvo.ru*

Современное общество находится на этапе, когда его развитие связано с коренным преобразованием окружающей среды в погоне за ресурсами. Один из методов добычи полезных ископаемых предусматривает открытую разработку месторождений, когда формируется отличный от естественного ландшафт с новыми экологическими условиями жизнедеятельности. В случае, когда территория не востребована для нужд человека, происходит ее заселение растительностью. Изучение растительного покрова на первичных местообитаниях, с одной стороны, раскрывает закономерности формирования растительности, свойственные определенным флористическим зонам, показывает зависимость от экстремальных условий существования, динамику сглаживания этих условий по мере формирования растительных сообществ, адаптацию различных растительных компонентов и прочее. С другой стороны, прошлое и настоящее присутствие человека вносит новый аспект развития, который отражается на будущих группировках: проникновение адвентивных видов, их влияние на состав, структуру и динамику растительного покрова.

Павловское бурогольное месторождение находится на Уссури-Ханкайской равнине в Михайловской районе Приморского края. Территория месторождения относится к лесостепной ботанико-географической зоне [1]. Регион давно и интенсивно используется под сельскохозяйственные нужды. Район разработок окружен полями, лугами и небольшими массивами дубняков. Добыча бурого угля ведется с 1968 года [2].

До разработки литогенная основа ландшафта имела следующее строение: поверхностный слой образован четвертичными глинами, под ними залегают плиоценовые суйфунские галечники, далее – отложения угленосной павловской свиты (пески, алевроиты, глины, бурые угли), которые подстилаются породами фундамента – нижнекембрийскими кварц-серицитовыми, хлоритовыми, графитистыми, глинистыми сланцами и мраморами [2]. Ныне материал этих слоев представляется субстратом, заселяемый растениями.

В 2007-2009 гг. проведены геоботанические исследования растительного покрова. За время исследования составлено 380 стандартных геоботанических описаний на квадратных пробных площадях 10 м². Возраст отвалов определялся по техническим и маркшейдерским схемам, предоставленным Разрезууправлением «Новошахтинский» ОАО «Приморскуголь» Сибирской Угольной Энергетической Компании.

Рельеф техногенных территорий зависит от нескольких параметров: способа разработки, способа транспортировки грунта, технических требований к хранению отвалов, рекультивации, а также от естественных процессов эрозии. По форме рельефа выделяются элювиальные местоположения. К ним относятся вершины отвалов с привершинными частями склонов и бугры. Трансэлювиальные состоят преимущественно из средних частей склонов разных экспозиций и углами откосов. Кривизна склонов может изменяться в результате эрозии, что приводит к формированию вогнутых и выпуклых форм. В аккумулятивные местоположения объединены отрицательные формы рельефа и низинные положения в ландшафте (сюда же относятся трансаккумулятивные местоположения). В них входят проэлювиальные шлейфы склонов, часто с конусами выноса временных водотоков, наибольшее распространение в группе получили западины и межотвальные седловины. К субаквальным местоположениям относятся водоемы различной величины и глубины. Каждое местоположение имеет определенные характеристики по увлажнению, инсоляции, гранулометрическому составу, темпам эрозии и прочее.

При пересечении местоположений с типами субстратов получается матрица местообитаний (см. табл.), которая отражает разнообразие экологических условий. Они определяют состав и структуру формирующегося фитоценоза.

Анализ растительного покрова показал, что некоторые местообитания схожи по своим параметрам и были объединены. Таким образом, было получено 4 группы местообитаний, названных по приоритетному типу увлажнения: к мезоморфной (нормальное увлажнение) относятся местообитания 1 и 5, к ксеромезоморфной (небольшое отклонение от нормального в сторону иссушения) относятся 2-4 и 6-7, к гигромезоморфной (небольшое отклонение от нормального в сторону избытка влаги) – 9-12 и гидроморфная (водная) – 13.

Для каждого класса местообитаний выделена своя серия зарастания, которая состоит из 2-3 вариантов серий, в зависимости от пре-

**Матрица местообитаний на территории Павловского
месторождения**

		Местоположения			
		Элювиальные	Трансэлювиальные	Аккумулятивные	Субаквальные
Тип субстрата	Четвертичные глины	1	5	9	13
	Суйфунские галечники	2	6	10	
	Угленосный слой	3	7	11	
	Кора выветривания	4	8	12	

*1-13 – порядковые номера местообитаний

обладающей жизненной формы (древесная, травяная) или доминирующего вида – эдификатора среды (осина, ива).

В каждой серии выделяется 3 стадии зарастания. Отличаются между собой видовым составом, сложением фитоценоза, его структурой, общим проективным покрытием, наличием и составом доминантов, содоминантов, кодоминантов и другим.

Таким образом, для карьерно-отвалных комплексов Павловского месторождения выделены 4 серии зарастания на 13 местоположениях, определенные экологическими условиями. Каждая стадия состоит из 3 этапов, максимальный возраст растительных группировок – 30 лет. Облик растительного покрова продолжает формироваться, происходят процессы сглаживания с естественными сообществами.

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума ДВО РАН (проект 12-III-A-09-207).

Литература

1. Колесников Б.П. Растительность // Дальний Восток: Физико-географическая характеристика. М.: Наука, 1961. С. 183–245.
2. Угольная база России. Т. V. Книга первая. Угольные бассейны и месторождения Дальнего Востока (Хабаровский край, Амурская область, Приморский край, Еврейская АО) / Гл. ред. В.Ф. Череповский. М.: ЗАО «Геоинформмарк», 1997. 371 с.

УРБАНИЗАЦИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ

А.С. Веремейчик

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
remey2007@yandex.ru*

На Северо-Востоке Китая, в ходе развития старых промышленных баз, урбанизация населения сыграла активную стимулирующую роль в социально-экономическом развитии региона. Однако, вслед за постепенным углублением экономических реформ и регулированием стратегии развития страны в процессах урбанизации региона возник ряд проблем.

Превышение уровня урбанизации региона над средним уровнем по стране – условное. Уровень урбанизации населения Северо-Востока в 1978–2010 гг. вырос с 36 до 57%, одновременно доля не-сельскохозяйственного населения с 39,4 до 48,6%; оба параметра существенно превышают средние показатели по стране (49,9% и 29,1% соответственно). Согласно общемировому опыту, урбанизация является закономерной в случае, когда её показатель выше или совпадает с уровнем индустриализации. Сравнение уровня индустриализации показывает, что Шэньян, занимающий по Северо-Востоку первое место по доле второй сферы в ВВП, имеет лишь 1/3 этого показателя в Шанхае. По уровню занятого населения вне сферы сельского хозяйства северо-восточные городские центры также в целом отстают от крупных городов других регионов. В 1990–2000 гг. уровень индустриализации в целом по Китаю вырос на 6,6%, а Северо-Востока – всего на 1,3%. В 2000 г. доля третьей сферы в ВВП страны в целом составила 35,6%, по Северо-Востоку – 33,4%. Таким образом, северо-восточный регион с его промышленной базой, начиная с 1990-х гг. в процессе урбанизации стал терять потенциал индустриализации. Поэтому показатель урбанизации населения, превышающий 50% рубеж, носит в большей степени формальный характер.

Несоответствие количественных и качественных характеристик урбанизации. Произведённые китайскими экспертами в 2001 г. измерения уровня развития отдельных крупных городов четырёх основных экономических районов КНР: 1) Северо-Восток (Шэньян, Далянь, Чанчунь, Харбин); 2) Пекин, Тяньцзинь и пров. Хэбэй;

3) дельта Янцзы; 4) дельта Чжуцзян, показали, что по общему экономическому показателю северо-восточные городские центры в целом отстают от крупных городов других регионов. Наиболее экономически развитый в Китае – Шанхай превосходит наиболее развитый на Северо-Востоке – Далянь (в 9 раз), Чанчунь (в 24 раза). По уровню ВВП на душу населения, социальному развитию (инфраструктурный потенциал, социальное обеспечение, общественная безопасность) Северо-Восток также имеет сравнительно низкие показатели. Всё это говорит о несоответствии качественных и количественных характеристик урбанизации.

Слабые эффекты агрегирования и масштаба малых городов.

В последние годы на Северо-Востоке ускорились темпы строительства и развития малых городов и посёлков, которые в свою очередь стали не только существенной частью городской сети, но и важным источником процессов урбанизации региона. Хотя их численность в целом стремительно увеличивается, размеры малых городов, являющихся центрами уездной экономики, остаются небольшими, стандарты строительства низкими, эффекты агрегирования и масштаба недостаточными. Примером высоких темпов строительства малых городов в регионе служит провинция Ляонин, в которой, начиная с 2001 г. серьёзное внимание уделяется вопросам качества их строительства. В частности было усилено возведение центральных и показательных посёлков, ускорен процесс объединения деревни, волости и посёлка, с уменьшением числа последних по сравнению с 2000 г. на 37 единиц. Тем не менее, в первой половине 2000-х гг. в провинции насчитывалось лишь 83 малых города с численностью населения свыше 10 тыс. чел. (не включая пригороды уездных городов). Малые города с подведомственной территорией в среднем насчитывают только 22 тыс. чел., малые города с прилегающей территорией – лишь 7 тыс. чел. В провинции Хэйлуцзян в 2002 г. из 19-ти городов уездного ранга только в 12-ти доля первой сферы в ВВП превышала 25%. Во всех 64-х городах уездного ранга, кроме Шанчжи и Суйфэнхэ, объём розничного оборота потребительских товаров на душу населения был ниже, чем в среднем по провинции. В провинции Цзилинь имеется более 70% малых городов с численностью жителей, не превышающей 30 тыс. чел., и 70% малых городов с занятыми вне сферы сельского хозяйства не более 4 тыс. чел.

Считается, что эффекты агрегирования и масштаба малого города развиваются нормально в случае, когда численность населения,

примерно, равна 50 тыс. чел. На Северо-Востоке средняя численность малых городов не велика, отправная точка городского планирования низкая, развитие инфраструктуры недостаточное. Кроме того, в производственной структуре существенная часть приходится на первую сферу, относительно низкая доля второй сферы и не достаточно развита третья. Малые города здесь не обладают достаточным потенциалом, как для развития собственной экономики, так и для распространения влияния на прилегающие сельские районы.

Отток городского населения за пределы региона. На Северо-Востоке в межпровинциальной миграции наблюдается отток городского населения за пределы региона. Среди мигрантов доля трудоспособных и высококвалифицированных выше среднего уровня в месте убытия. Данные по уровню образования мигрантов из Ляонина, Цзилини и Хэйлунцзяна показывают, что удельный вес окончивших ВУЗы составляет (в %) 10,7, 19,7 и 16,6; доля окончивших специальные профессиональные заведения (в %) – 15,2, 26,0 и 21,2 соответственно, что значительно выше аналогичных средних показателей по стране (5,8 % и 9,4 %). Потенциал экономической активности мигрантов выше, чем средний уровень населения в месте убытия, что закономерно при перемещении рабочей силы в условиях действия рыночных механизмов в экономике. Миграция, особенно межпровинциальная, оказывает серьёзное влияние на процессы урбанизации Северо-Востока, отток трудоспособного и высококвалифицированного населения не способствует увеличению запасов человеческого капитала в регионе и свидетельствует, с одной стороны о потере человеческих ресурсов, с другой – о необходимости обратить внимание на проблему неэффективного использования человеческого потенциала.

Таким образом, в Северо-Восточном Китае относительно слабые модернизационный и индустриализационный потенциалы выступают основной причиной отставания социально-экономического развития региона от процесса урбанизации. В целом недостаточно высокий экономический уровень центральных северо-восточных городов, слабые движущие силы для развития объёмов индустриализации, свидетельствуют о необходимости кластеризации промышленности и повышении качества урбанизации. Одновременно со стремительным увеличением численности малых городов и посёлков, присутствует ряд проблем, связанных с небольшими границами уездных городских центров, низкими стандартами строительства, недостаточными

эффектами агрегирования и масштабов. Все эти обстоятельства свидетельствуют о несоответствии количественных и качественных показателей урбанизации.

На протяжении последних лет китайские власти связывают большие надежды с программой возрождения старопромышленных баз региона, в ходе реализации которой не последнее место предполагается уделять укреплению городской инфраструктуры, повышению уровня модернизации городов посредством индустриализации нового типа, в целом, повышению уровня урбанизации и качества градостроительства.

Работа выполнена при поддержке Президиума ДВО РАН, проект 13-III-B-11-213.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ В ПЛАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ЛЯОНИН)

И.В. Ставров

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
stavivan@mail.ru*

К концу 1970-х годов власти КНР столкнулись с серьезными социально-экономическими проблемами, которые угрожали сохранению социально-политической стабильности в стране. Ответом на этот вызов стали решения 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва, провозгласившие курс на осуществление «четырех модернизаций». На рубеже 1970 – 1980-х годов были приняты решения об организации Свободных экономических зон, семейном подряде в сельском хозяйстве, развитии коллективных и индивидуальных предприятий. Большое значение имел тезис Дэн Сяопина о возможности опережающего развития отдельных регионов страны. В результате мер правительства, а также «потеплений» на идеологическом фронте стало возможным ускоренное развитие Восточного Китая, что привело уже к концу 1990-х годов к оформлению нового вызова: дисбаланса в развитии регионов (по выражению проф. Ху Аньгана «в Китае по существу существуют четыре мира»). Так, например, доля Восточной зоны в ВВП КНР составляла в 1985 г. – 60,3%, в 1990 г. – 62,2%, в 1995 г. достигла пика – 66,0% и к 1998 г. сократилась до 58,1%.

Северо-Восточный Китай на протяжении нескольких десятилетий истории КНР занимал значительное место в экономике страны, однако, уже в 1990-е годы из передовых регионов превратился в отстающие. В связи с ростом напряженности в регионах партийно-государственное руководство начало уделять более пристальное внимание проблеме скоординированного развития. Уже на XV всекитайском съезде КПК (сентябрь 1997 г.) была высказана идея сбалансированного развития территорий Китая. А в 1999 г. Госсоветом было принято решение о развитии Западного региона Китая. Реализация упомянутой программы дала импульс региональной политике.

На 16-м Всекитайском съезде КПК Цзян Цзэминь выделил проблему гармоничного развития региональной экономики. Он призвал «интенсивно продвигать масштабное освоение запада страны», «помогать

северо-восточному региону и другим старым промышленным базам в ускорении их урегулирования и реконструкции». Он обратил внимание на необходимость поддержки градообразующих ресурсных производств, немалая часть которых расположена на Северо-Востоке КНР. В дальнейшем, Ху Цзиньтао в докладах XVII и XVIII съездам призывал «стимулировать гармоничное развитие регионов», «полностью возрождать северо-восточную и другие старые промышленные базы» и т.п.

2003 г. стал этапом на пути формирования стратегии возрождения Северо-Восточного Китая. 1 октября были изданы «Мнения ЦК КПК и Госсовета относительно реализации стратегии возрождения Северо-Востока и других старых промышленных баз». В настоящем документе выделены основные проблемы региона и закреплены направления развития. Среди проблем обозначены «низкая степень маркетизации», слабость экономического развития, «сравнительно однообразная система собственности», высокая доля государственной собственности, «устаревшая производственно-техническая база», обязательства предприятий по социальному обеспечению и трудоустройству, упадок производства в городах ресурсного типа. Среди направлений были выделены всестороннее повышение преимуществ промышленной структуры, энергичное развитие современного сельского хозяйства, активизация развития третичного сектора, активное переупрофилирование экономики городов ресурсного типа, строительство инфраструктуры, расширение внешней открытости и межрегиональных связей. Документ носил программный характер и не предлагал механизма реализации поставленных задач, однако принятие «стратегии» стимулировало нормотворчество в данной сфере.

В 11-м и 12-м пятилетних планах КНР (2006 – 2015 гг.) Северо-Востоку были посвящены специальные разделы в которых отмечалась необходимость создания компенсационного механизма «по освоению и поддержке депрессивных производств», «экономического переупрофилирования депрессивных городов ресурсного типа, таких как Фусинь, Дацин, Ичунь и Ляоюань». Так же в Плане указана необходимость ускоренного развития инфраструктуры восточной части Дунбэя, строительства транзитных железных дорог и транспровинциальных шоссеиных дорог.

Позднее, в 2007 г., Госсовет КНР утвердил План возрождения Северо-Восточного Китая. Период реализации Плана – 10 – 15 лет. Основными его целями стали: создание крупной базы по производству конкурентоспособного промышленного оборудования, основно-

го поставщика новых материалов и энергии в стране, ключевой базы по производству сельскохозяйственной продукции. В целом, Планом предусмотрено создание целой серии промышленных и инфраструктурных объектов, развитие сельскохозяйственного производства.

В соответствии с указаниями Центра правительство пров. Ляонин приняло соответствующие программы развития, которые довольно последовательно претворяются в жизнь. Помимо традиционных 5-тилетних планов развития территории здесь в разное время были приняты «Основные направления работы по возрождению старой промышленной базы Ляонина» (14 января 2005 г.) и «Некоторые политические предложения народного правительства провинции Ляонин в отношении стимулирования развития внешней открытости ключевых приморских районов» (т. наз. «Пять точек на одной линии» (февраль 2006 г.). Вполне очевидно, что в первом документе акцент сделан на внутреннем развитии провинции, а второй – на внешнем.

Основными направлениями развития стали улучшение логистической системы (строительство новых авто- и железных дорог, которые замыкаются на порты прибрежного пояса), развитие судостроения (особенно супертанкеров, сверхтяжелых контейнеровозов и т.п.), автомобилестроения (производство автозапчастей, сборка автомобилей), реконструкция старых предприятий, специализирующихся на металлургическом и нефтехимическом производстве и выпуске строительных материалов, станкостроительных производств. Новым направлением стало производство «высоких» технологий. В целом указывалось на необходимость развития производства с высокой добавочной стоимостью. Немаловажное значение уделялось и развитию сельского хозяйства: производству марикультуры на востоке, выращиванию овощей и фруктов в центральной и западной частях провинции.

За время реализации указанных программ (с 2005 по 2010 гг.) несколько изменилась структура ВВП провинции. Доля промышленности возросла с 48,08% до 54,01%, доля сельского хозяйства сократилась на 2% и третичного сектора на почти 4%. В целом, реализация данных программ, учитывающих конкурентные преимущества провинции, привело к изменению тенденции к сокращению доли ВРП в ВВП КНР (1978 г. – 6,28%, 1990 г. – 5,69%, 2000 г. – 4,70%, 2005 г. – 4,35% и 2010 г. – 4,59%). Дальнейший мониторинг покажет, насколько данная тенденция оказалась устойчивой.